

INSPIRIA

ЭЛИС
ХОФФМАН

Приквел культового романа
«Практическая магия»

УРОКИ
МАГИИ

INSPIRIA

Элис Хоффман

Уроки магии

Серия «Novel. Обыкновенная магия»

Серия «Практическая магия»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66307602
Уроки магии / Элис Хоффман: Эксмо; Москва; 2021
ISBN 978-5-04-158145-9

Аннотация

У каждой саги есть начало.

История многовекового проклятья семьи Оуэнс началась с необычного младенца – девочки, найденной в заснеженном поле. Оказавшись под опекой доброй женщины, сведущей в Непостижимом искусстве, Мария Оуэнс, ведьма по рождению, с раннего детства наблюдала, что с женщинами может сотворить любовь.

Будучи еще ребенком, Мария клянется никогда не влюбляться, но в конечном счете – ведьма или нет – женщина всегда остается женщиной. Когда возлюбленный покидает Марию, она решает обезопасить все последующие поколения своей семьи, чтобы ни одно сердце в роду Оуэнс больше никогда не было разбито.

«Мужчины уходят на войну, а женщины безоглядно влюбляются по причинам, непонятым им самим».

Во все времена женщины, познавшие несчастную любовь, хоть раз в жизни в сердцах давали себе зарок, никогда больше не влюбляться снова, но в конце концов, неизбежно о нем забывали. Однако, как быть, если ты ведьма, и сказанные слова нельзя просто так взять назад?

Узнайте, с чего начиналась знаменитая магическая сага о ведьмах из Салема.

Содержание

Часть 1	6
1664	6
1674	50
1679	93
Конец ознакомительного фрагмента.	132

Элис Хоффман

Уроки магии

*Люби ты всех, но верь немногим. Никому не делай
зла¹.*

Уильям Шекспир

¹ У. Шекспир. Все хорошо, что хорошо кончается. Акт 1, сцена 1. Перевод
Т. Л. Щепкиной-Куперник.

Часть 1

Превращения

1664

I.

Ее нашли в январский день на поросшем можжевельником поле. Новорожденную девочку завернули в белое одеяло, по краю которого шелковыми нитками было аккуратно вышито ее имя. Землю слоем в целый фут покрывал снег, но солнце уже пригревало вовсю. Тот, кто назвал ребенка Марией, по всей видимости, любил ее: одеяло было вытканно из хорошей шерсти и согревало. Девочка казалась хорошо ухоженной и явно не голодной. Она была тихой, но через некоторое время принялась проявлять беспокойство и даже плакать, вроде бы нехотя, но почти безостановочно, пока на корзинку, в которой она лежала, не села ворона и не уставилась на нее своими быстрыми черными глазами.

Случилось так, что брошенную девочку, которая бесстрашно разглядывала широко раскрытыми почти с самого рождения глазами птицу размером чуть меньше ее, обнару-

жила пожилая женщина. Мария была красивым ребенком с черными как смоль волосами и бледно-серыми глазами, необычного серебристого оттенка, и старушке пришлось в голову, что ребенок, возможно, подкинут эльфами взамен похищенного, — эта низменность в Англии слыла местом, где происходили странные события, а судьба могла и улыбнуться, и повернуться спиной. Был ли ребенок подменным или нет, но Ханна Оуэнс взяла младенца с собой в лес, напевая по дороге песню — то были первые человеческие слова, которые запомнила девочка.

Река широка, и не перебраться,
Ведь крыльев нет у меня.
Дайте лодку для нас с любимой,
И мы станем грести, ты и я.

Чтоб однажды в прекрасных лугах,
Собирая цветы, расцветшие вновь,
Собирая цветы различных оттенков,
Подумать, на что способна любовь².

В первые дни, проведенные девочкой в доме Ханны, настойчивая птица била крыльями в мутное выщербленное оконное стекло, изо всех сил пытаясь попасть внутрь. Ее не пугали ни вылитые на нее ведра воды и уксуса, ни крики, ни угрозы. Рука не поднималась бросать камни в такое предан-

² Перевод стихов здесь и далее — Михаила Тарасова.

ное создание. Вороне разрешили остаться и дали ей имя Кадин, произведенное от лепетания «ко-ко» девочки Марии. В плохую погоду птица сидела у закопченного очага на деревянном насесте и чистила свои блестящие перья, не спуская глаз с Марии.

– Полагаю, это твоя ворона, – сказала Ханна лежавшему в корзине ребенку, когда прошло семь дней, а птица так и не покинула свой пост на окружавшей сад изгороди, даже ради еды или воды. – А может быть, ты ее девочка.

Ханна хорошо знала, что не ты приручаешь животных, а они выбирают тебя, соединяясь с тобой крепкими узами. Когда-то давным-давно она сама взяла в дом оставшуюся без хозяев кошку, которая следовала за ней повсюду, – беспородное создание красивой рыжеватой окраски, ставшее любимым питомцем, казалось, понимавшим ее мысли и желания. В день, когда Ханну выпустили из тюрьмы, она обнаружила свою кошку, прибитую гвоздями к двери ее дома.

Соседи еще и ограбили Ханну, вытащив из дома все скромные пожитки: набитый перьями матрас, горшки, миски и ручку-перо, подаренную монахинями, когда она покидала обитель. Ханна отнесла трупик животного в лес и похоронила в зеленой ложине, где укрывалась, пока не была построена ее хижина. Она называла эту прогалину Любимое поле; весной там росли дикие гиацинты, и сквозь последние заморозки ковром белых и желтых звездочек просверкивал бальзамин. Красота луга напоминала Ханне о том, зачем

жить на земле и почему нельзя доверять тем, кто видит зло в других и никогда – в себе самом. Мир природы был душой ее ремесла: то, что росло в лесах, могло нанести вред или исцелить, а ей надлежало знать разницу. Это было частью древнескандинавской традиции Сейд³, занесенной в Англию в древние времена. Своего рода зеленая магия, неосуществляемая в природе, смешение души человека с душой земли.

Магия деревьев

Остролист следует сжечь, что знаменует конец зимы.

Рябина – священное колдовское дерево для защиты, изготовления веретен и прялок.

Орешик приведет к воде.

Ива – священное магическое дерево, перемещающее душу.

Тис символизирует жизнь, смерть и возрождение, используется для изготовления луков. Опасайтесь семян: они ядовиты.

Ясень священен и целителен, листья – тонизирующее средство для лошадей.

Яблоня – ключ к магии, используется как лечебное средство и для любовных заговоров.

Береза: напишите заклинания на полосках коры, и

³ Термин «сейд» в одном из значений понимается как магическая практика (Seidh – от древнеисландского seidhr). Происходит от слова, означающего «речь» или «пение».

они достигнут цели.

Сок сосны – целительный бальзам при оспе и сыпном тифе.

Мазь, полученная из кипяченых игл лиственницы, заживляет раны и порезы.

Болиголов лечит опухоли и нагноения.

То, что ребенка нашла Ханна, а не кто-то еще, стало настоящей удачей: многие люди в графстве Эссекс избавлялись от нежеланного дитяти с той же легкостью, как топили котенка. Ханна была натурой великодушной и недолго думала, взять ли домой брошенного ребенка. Она сделала гораздо больше: сшила девочке синее платье, а для защиты и удачи привязала к лодыжке клочок синей шерсти.

Жители ближайших деревень и городков верили, что среди хороших, порядочных людей скрываются слуги зла, из-за которых дети умирают от оспы и лихорадки, а земли, проклятые ими, остаются невозделанными. То, во что верили люди, часто сбывалось: там, где они воображали проклятие, оно, казалось, и в самом деле существовало. То был год, когда по какой-то загадочной причине по небу пронеслись две кометы, а вулкан Этна в Италии, который начал извергаться, разнес пепел так далеко, что тот достиг даже их деревни в английской низменности. Казалось, выпал мартовский снег. В тот год двое лондонцев где-то подхватили чуму, и число заболевших с каждым днем увеличивалось. Люди носили маски, запирались в домах, но болезнь находила их и там, как

они думали, проникая сквозь двери или просачиваясь в окна. На самом деле заразу переносили из дома в дом лекари, которые даже не подозревали, что надо мыть руки. К 1665 году Лондон потерял шестьдесят восемь тысяч жителей.

Когда Марии исполнилось два года, Великий лондонский пожар⁴ уничтожил семьдесят тысяч из восьмидесяти тысяч домов в городе. Весь сентябрь воздух был наполнен дымом. Птицы падали с неба, а дети выкашливали из легких черную слизь – явный признак того, что им не суждено увидеть свой следующий день рождения. Мир оказался опасным местом, где люди, наказанные за свои грехи, вопреки фактам верили, что перемена к лучшему в судьбе зависит от степени их благочестия. В те годы происходили необъяснимые жестокости, а доброта была редким неоценимым даром, которым сполна обладала Ханна Оуэнс.

* * *

Было известно, что в графстве жили те, кто практикует Непостижимое искусство – заклинания и ритуалы, передаваемые из поколения в поколение хитроумным народцем, знавшим больше, чем остальные. Эти женщины понимали мистическую природу медицины и любви, изо всех сил стараясь прорвать завесу, отделявшую людей от знания, спо-

⁴ Великий лондонский пожар (1666) бушевал четыре дня. Около 100 000 жителей столицы остались без крова.

собного спасти их от бед. Обладавшие такой особой силой (в графстве их называли ведьмами) могли залечить сердечные раны так же легко, как избавить человека от лихорадки, но делали это осторожно: ведь женщин привыкли обвинять чуть ли не во всех бедах мира.

Более чем двадцатью годами ранее Мэтью Хопкинс, молодой человек из деревни Мэннингтри, раскинувшейся на берегах реки Стур, что протекает в графстве Эссекс, начал преследование ведьм. С помощью графов Уорика и Манчестера он превратился в настоящего генерала армии охотников на людей, обвиняемых в колдовстве. За то, что он отправлял женщин на смерть, Мэтью выплачивали кругленькую сумму. Он обладал всем, что позволяло объявить кого-либо ведьмой, словно один мог видеть сквозь призрачную завесу и добывать свидетельства зла. Отметина на руке или щеке женщины, птица на ее окне, собака, кошка или другое создание, не отходящее от нее ни на шаг, книга о магии, обнаруженная в буфете или под соломенным матрасом, недовольный, озлобленный сосед, готовый дать нужные показания, – все это могло служить доказательством вины, особенно если речь шла о незамужней женщине, которую некому было защитить.

Во времена охоты на ведьм существовало поверье, что колдунью можно поймать в ловушку, если пригвоздить ее ступни к земле, чтобы не убежала. Для этой цели использовали железные капканы на лис, поскольку было хорошо

известно: могущество ведьмы уменьшается вблизи металла. Некоторые охотники на ведьм действительно прибавляли ноги женщин к земле и смотрели, сумеет ли она убежать. Если женщине удавалось ускользнуть, ей следовало промокнуть то место, куда входил гвоздь, розмариновым маслом и произнести заклинание мести и защиты:

«Это не может нанести тебе вред сегодня. Ты пойдешь и уйдешь. Когда вернешься, все твои враги сгорят».

И все же обеспечить защиту было нелегко. Против трехсот подозреваемых выдвинули обвинение, сто несчастных отправились на виселицу. Обвиняемых проверяли, привязав к стулу, который швыряли в пруд или реку, и смотрели, утонут ли они или всплывут, как положено ведьмам. Это было испытание, которое невозможно выиграть. Ханне Оуэнс повезло: она избежала виселицы, поскольку процессы по обвинению в колдовстве закончились и безумие прекратилось, как лихорадка, внезапно и без всякой видимой причины. Возможно, в конце концов возобладала логика. Осужденных выпустили из тюрьмы, за что те были благодарны, хотя никаких извинений, объяснений и тем более компенсаций они не получили.

Хопкинс, не дожив и до тридцати, умер от болезни легких, которую, по слухам, подхватил, простудившись после купания. Очень многие от души порадовались, услышав, что злой рок осудил его на своего рода утопление: его легкие оказались переполнены водой, и он как бы захлебнулся, словно

был привязан к стулу и погрузился вместе с ним на дно пруда. Множество женщин в графстве Эссекс праздновали день его похорон, разжигая костры и радостно наполняя кружки элем. Ханна в тот день выпила чашку чая, смешанного со снадобьем, которое готовила, чтобы не пасть духом в те ужасные времена, когда женщина не могла выйти на улицу без страха, что ее обвинят в злонамеренных действиях. Для этого было достаточно книги, обнаруженной среди ее пожитков, или просто умения читать и написать свое имя.

Хотя мания исчезла, матери продолжали привязывать детей к колыбелям, чтобы тех не украли ночью, и ставить на подоконники для защиты жилищ миски с дорогостоящей солью. Мужчины, стремясь задержать удачу, прибавляли над дверями амбаров подковы: они опасались, что ведьма лишит их здоровья, поместив взятые у них прядь волос или обрезки ногтей под свесом крыши. Детей учили никогда не разговаривать с незнакомцами; если заблудятся и их попытаются заколдовать, нужно выкрикивать в ответ числа, чтобы разрушить чары. Тех несчастных детей, которые действительно терялись, искали при помощи кувшинов с козьим молоком, как полагали, любимым питьем ведьм. Нередко случалось, что пропавшие дети возвращались поздно ночью с репейником в волосах и не могли дать матерям никакого внятного объяснения – лишь жалкие оправдания, что потерялись в лесу и не сумели найти дорогу домой.

Ханна Оуэнс жила вдали от людского зла, в лесной глуши, в маленьком домике, скрытом в зарослях ползучих растений. Его выстроил местный плотник, которого никто не нанимал из-за его врожденного уродства. То был честный, простой человек, позднее утверждавший, что старуха осчастливила его, дав целебную мазь со своего аптекарского огорода, которая вдохнула силу в его сухую руку – та вновь начала действовать. Крыша дома Ханны была крыта соломой, дымоход обмазан глиной, перемешанной с тростником. Возле очага всегда стоял горшок с водой, на случай если искра от огня зажжет тростник. Дорожка к ее дому, выложенная неровными сизыми камнями, поросла кустарником. Так было даже лучше: трудность доступа к дому спасала от любопытных глаз. И все же женщины из городка и окрестных ферм, когда им было очень нужно, находили дорогу и стучали в дверь, отчего начинал звенеть медный колокольчик.

Ханна знала лес как никто другой. По числу сучков на кусте сирени можно предсказать частоту заморозков, а если зажечь на снегу немного хвороста и снег будет быстро таять, то скоро земля вообще от него освободится. Мускатный орех открывает сердце, лилия помогает при чесотке, арника зажигает в мужчине желание. Когда ребенок долго не рождался или неохотно сосал молоко из материнской груди, был хил

или его мучила лихорадка, когда муж гулял на стороне, когда свеча загоралась сама по себе, что означало таящееся поблизости привидение, — во всех таких случаях женщины посещали дом Ханны Оуэнс, оплачивая ее услуги парой яиц, кувшином козьего молока или, в самых трудных случаях, брошкой или колечком. Ханна всегда находила нужное снадобье.

* * *

Мария росла, наблюдая, как проходили эти сделки, всегда после наступления ночи — женщины не хотели, чтобы их видели у дома ведьмы. На стене висела Рука, приносящая удачу, — амулет в форме пяти пальцев, сделанный из мха, пропитанного дымом костра в канун летнего солнцестояния, — он защищал дом от бед. Приходившие женщины сидели за кухонным столом, на котором замешивали тесто и резали кур; на нем же рождались, часто в муках, дети. К пяти годам Мария умела перевернуть ребенка в утробе матери, растолочь кости птиц в порошок от сонливости, определить симптомы лихорадки или оспы. Она получила подробные указания, какие травы надо собирать в первую очередь и приносить домой в корзинке или в подоле длинной юбки. Деревянные трубочки для лечения зубной боли, черная шандра при тошноте и месячных болях, засоленные листья, прикладываемые к месту собачьего укуса, бузина и кора вишни при кашле, семена укропа, чтобы избавиться от икоты, боярыш-

ник, чтобы отогнать дурные сны и успокоить сильное сердцебиение, крапива для приготовления вкусного супа, лечения ожогов и воспалений. Марии хватило одного прикосновения без перчаток к пучку крапивы, чтобы получить урок на всю жизнь. Ханна растерла измельченные листья бальзамина, чтобы успокоить жжение, и после этого Мария всегда избегала крапивы. С самого начала обучения девочка схватывала все на лету. Марии не требовалось обжечься дважды, чтобы проявлять осторожность, и она очень рано узнала, что любовь способна стать как благословением, так и проклятием.

* * *

Женщины пробирались к их дому через лес чаще всего по одной причине. Вновь и вновь это была любовь. Вечная любовь, юная любовь, оскверненная любовь, вызывавшая боль, оставлявшая на теле синяки и красные рубцы, любовь, которой страстно домогались и от которой мечтали как можно скорее избавиться. Часто Ханна записывала желаемый результат, клала кусочек пергамента в коробочку с заклинаниями и произносила их, зажигая свечку, – белую за здоровье, черную за уничтожение горя, красную за любовь. Чтобы вернуть возлюбленного, уколите третий палец левой руки серебряной иглой. Сила заклинания увеличивается с растущим месяцем и уменьшается с убывающей луной. Су-

щественное значение имеют также время, любовь и больше всего – вера. Мария сидела у очага, за которым следила: у нее было собственное огниво, чтобы мгновенно разжигать огонь. С этого теплого и удобного места она наблюдала, как Ханна пролистывает страницы своей книги с заклинаниями и описанием лечебных средств, делая подробные заметки о прописанных эликсирах и порошках: амулетах из яблочных семечек, пропитанных менструальной кровью, дозах белены, способных соединить мужчину и женщину, а если превышена норма – вызвать психическое расстройство или смерть, о сердцах оленя или голубя, обеспечивающих глубокую привязанность даже у самых безответственных и ненадежных мужчин, о душистой вербене, которая в зависимости от желания той, кто ее использует, может приворожить к себе мужчину или сделать его импотентом.

– Помни одно, – говорила Ханна Марии. – Всегда люби кого-то, кто в ответ будет любить тебя.

Практические материалы

Свечи.

Эфирное масло. Лаванда для успокоения. Шалфей для очищения. Розмарин для памяти.

Роза для любви.

Соль, чеснок, камни, нитка, талисманы на счастье, любовь, удачу и хорошее здоровье.

Приветствуй кого-то и прощайся изнутри круга.

Чти двенадцать полных лун в году с декабря до ноября: Дуб, Волка, Бурю, Зайца, Семя, Дриаду, Мед, Траву, Ячмень, Урожай, Охотничье снаряжение, Снег и тринадцатый месяц, самый особенный из всех – Голубую Луну.

Серебряные монеты, чистая вода, ива, береза, рябина, дуб, веревка, узлы, зеркала, черное стекло, медные тазы, чистая вода, кровь, чернила, перья, бумага.

Крапива даст защиту и вернет зло пославшему его. Яблоко для возрождения и бессмертия. Остролист насылает волшебные сны, но может быть ядовитым. Терновник способен вернуть зло пославшему его. Папоротники вызывают дождь, но защищают от молнии. Златоцвет девичий отпугивает болезнь. Полынь горькая ядовита, но может быть использована для ворожбы. Белладонна, хотя и ядовита, может вызывать видения и придавать взгляду пронзительность. Мята на подоконнике отгонит мух и несчастья.

Лаванда для удачи.

Ханна Оуэнс выделялась среди представительниц своего ремесла не только добротой и знанием трав, но и крайне редким для того времени умением читать и писать. Девяносто процентов женщин были неграмотными: считалось, что образование нужно им не больше, чем пахотной лошади. Ханна была сиротой, но росла в судомойне при кухне королев-

ского дома. Учитель сыновей венценосной особы взял на себя смелость пустить ее в библиотеку и научил читать. Мария немного подросла, и вечерами, когда на дворе бушевала буря и даже самые одержимые любовью женщины не отваживались постучать в дверь, Ханна обучила ее этому драгоценному умению.

Ханна и Мария при свете фонаря пили Бодрящий чай для защиты и исцеления из отвара чабреца и специй. Эту смесь нужно было долго настаивать. Такой эликсир помогал человеку всегда оставаться самим собой, не скрывать свою сущность, что было первым шагом к обретению мужества. Именно с этого и начиналась магия. Корявые черные буквы выглядели как кружки и палочки, а потом, после нескольких недель внимательного разглядывания, они вдруг становились словами, которые принимали форму коров и облаков, рек и морей. На странице возникало чудо из надписей чернилами, приготовленными из семян дуба, сока растений, крови животных, сырой золы или обуглившихся костей. Иногда применялись симпатические чернила, о которых знали немногие: ими делали надписи, которые становились видимыми, только когда в ход шли чернила другого вида или в бумагу втирали лимонный сок, молоко или уксус, затем нагревали – и послание внезапно являлось на свет.

То была истинная магия – создание и уничтожение миров при помощи бумаги и чернил.

Существовало поверье, что если и есть создание, способное мыслить как человек, то это ворона: мозг этой птицы всегда в работе. Кадин была великой собирательницей и таскала в дом всякого рода сокровища, обнаруженные в окрестных деревнях и городках, в крупных имениях и лачугах бедняков, замеченные ее острым глазом, когда она озирала мир сверху. Для вороны украсть то, что принадлежит другим, не важно, богачу или бедняку, было честной игрой – у любого водилось что-нибудь стоящее. Она могла прошмыгнуть в окно и выпорхнуть обратно, нырнуть в мусорное ведро, проклевывать в саду ямку. Пуговицы, катушки ниток, монетки, детские куклы, конский волос, а однажды, в яркий солнечный день, когда ворона видит дальше любого другого божьего создания, она принесла в дом заколку для волос, явно украденную у леди, жившей в замке, – чудесную замысловатую вещицу с крошечными рубинами, вделанными в серебро.

Мария, которой почти исполнилось восемь, играла на лугу, а Кадин устремилась вниз, оставив чудесную находку у ее ног. Ворона даже пострадала, пытаясь украсть сокровище, которое предлагала теперь Марии; на ее голове остался маленький шрам. Мария носила синюю юбку и шерстяную кофту с узкими рукавами, связанные Ханной чулки и льня-

ную сорочку. Девочка с раннего детства ничего не боялась, и как благословение свыше ей была дарована радость узнавать окружающий мир и собирать о нем впечатления.

– Гляди, Ханна! – крикнула она. – Моя Кадин – настоящая воровка!

Ханна явилась на зов из аптечного огорода и обнаружила, что Мария рассматривает заколку, упавшую в высокую траву. В руках девочки серебро мгновенно потемнело, словно по нему провели кисточкой с черной краской, а рубины после ее прикосновения засияли еще ярче. Ханна прижала к груди собранные ею луковицы и почувствовала боль в костях. С ее головы упала широкополая соломенная шляпа, но она даже не озаботилась поднять ее. То, о чем она давно подозревала, свершилось. С самого начала, с первого дня, когда увидела под кустами можжевельника ребенка в корзинке, Ханна чувствовала особенный взгляд девочки, который вызывал в ее позвоночнике холодную дрожь. Развернув одеяло, которым была укрыта Мария, Ханна заметила на внутреннем сгибе локтя девочки необычное родимое пятно в форме звездочки. Она тогда сразу же подумала, не потому ли отказались от ребенка: существовало поверье, что прирожденные ведьмы имеют отметки в потайных, скрытых от постороннего глаза местах: на коже волосистой части головы, на пояснице, груди, внутренней части руки. Одно дело – научиться магии, совсем другое – родиться с этим знанием.

С тех пор Ханна высматривала у девочки характерные для

ведьм знаки. С годами они появляются один за другим – это явное свидетельство необычной природы ребенка. Научившись говорить, Мария могла предсказывать погоду так же, как ворона чувствует приближение бури, начиная хаотически метаться еще до ее первых порывов. Мария ощущала присутствие снега в воздухе и знала, когда пойдет дождь, прежде чем с неба упадут первые капли. Она не лезла в карман за словом и быстро находила нужный ответ – необычная для маленькой девочки особенность. Иногда, когда она резким щелкающим звуком подзывала к себе ворону или болтала с сороками и голубями, казалось, что девочка способна говорить на языке птиц. Даже нахальные воробьи откликались на ее зов и садились на ладонь, успокоенные касанием ее руки и самим присутствием. Совсем еще маленькой Мария поранила палец о колючий кустарник, и кровь, капая на землю, прожгла траву, сделав ее черной. Именно тогда, получив неоспоримое свидетельство: серебро чернеет в руке ведьмы, Ханна поняла, что ее подозрения справедливы.

– Я ее сломала, – нахмурившись, сказала Мария, показывая почерневшую заколку.

– Ерунда. Она стала намного красивее. Смотри, как алеют камни. – Ханна заставила девочку повернуться, собрала в пучок ее длинные спутанные волосы и скрепила на затылке принесенной вороной заколкой. – Теперь ты выглядишь как королева.

Позднее Ханна заметила, как девочка всматривается в

ручное зеркальце темного стекла, в котором можно рассмотреть свое будущее, если знать, что хочешь увидеть. Некоторые называют это гаданием или предсказанием, но правильно это умеет делать только настоящая ведьма. Ханна усмехнулась, заметив, как заворожена девочка своим лицом. Она явно обладала даром предвидения. И все же Ханна опасалась за ее судьбу: именно в этот день Мария поняла, что будет красива, но вряд ли в этом жестоком мире красота обернется чем-то для нее хорошим.

* * *

Каким бы ни было происхождение Марии, девочка явно обладала магической силой. Уже в восемь лет написанные ею буквы были более правильной формы, чем у Ханны, а в девять Мария умела читать не хуже образованного человека. Имей она доступ к книгам на латыни, древнееврейском и греческом, она, несомненно, выучила бы и эти вышедшие из широкого употребления языки. Существовала надежда, что практический ум девочки сослужит ей добрую службу в самостоятельной жизни. Ее будущее тревожило Ханну и стало причиной многих бессонных ночей. Лишенное защиты дитя может оказаться во власти недобрых людей и подвергнуться дурному обращению. Для надежной защиты от превратностей судьбы Ханна стала готовить для ребенка наследство – собственноручно написанную книгу, названную

ею «Гримуар»⁵ и предназначенную только для глаз ее обладателя, свод разъяснений о снадобьях, способах лечения и приемах магии. Некоторые называют ее «Книгой теней», поскольку она предназначена исключительно для использования автором и формулы внутри ее часто исчезают из вида, когда на них смотрит непосвященный.

Первым гримуаром считается «Ключ Соломона»⁶, возможно, написанный самим царем Соломоном или, что впечатляет куда меньше, неким магом, жившим в Италии или Греции в пятнадцатом веке. Книга содержит инструкции по изготовлению амулетов, а также заклинания и проклятия, в ней перечисляются правила, как навлечь любовь и ненависть. Считалось, что Соломону было даровано кольцо с выгравированной на нем пентаграммой, которое обладало силой обуздывать демонов. Говорили также, что Ной получил от ангела Разиэля тайную книгу об искусстве астрологии⁷, написанную на поверхности сапфира и взятую Ноем с собой в ковчег. «Заклятая книга Гонория»⁸ – древний магиче-

⁵ Гримуар (*фр.*) – книга заклинаний, том запрещенной черной магии.

⁶ «Ключ Соломона» (также «Ключики Соломона», *лат.* Claviculae или Clavicula Salomonis) – гримуар времен Итальянского Ренессанса, составление которого приписывалось царю Соломону. Самое раннее из известных изданий – немецкое 1686 года.

⁷ «Книга ангела Разиэля» – средневековый каббалистический гримуар, изначально написанный на древнееврейском и арамейском языках, известный также и в латинском переводе как Liber Razielis Angeli, рукопись XIII века, переведенная при Альфонсо X.

⁸ «Заклятая книга Гонория» – «Заклятая книга Гонория Фиванского», одна из

ский трактат, обнаруженный Ханной в библиотеке королевской семьи, еще когда она была девочкой, – не рекомендовала женщинам читать ее заговоры и заклинания. Женщин, обученных грамоте, боялись и почитали – они были самыми умелыми в любовных заклинаниях.

Люди, практиковавшие магию, встречались в Англии повсюду, даже в рыцарских замках и при королевском дворе, но колдовские книги запрещалось читать беднякам и женщинам. Власти искали магические манускрипты, принадлежавшие женщинам, и нередко находили их спрятанными под кроватью. Если автор вызывал сомнение, сочинения бросали в реку или в горящий костер, чтобы магией книг не воспользовались те, кому это возбранялось. Заклинания и магические символы писали на кусочках пергамента, которые потом прятали в складках одежды или в еде объектов желания. Очень важно, что это была личная книга женщины, в ней она записывала рецепты колдовства любого рода: как произносить заклинания, как исцелять болезни, включая те, названия которых не были известны, как использовать натуральную магию⁹, чтобы привязать к себе другого человека, и как применять словесную магию – заговоры, амулеты и заклинания. Использование слов считалось самым ценным и

самых старых из дошедших до наших дней и наиболее влиятельных колдовских книг Средневековья. Предположительно, была написана в XII веке Папой Гонорием.

⁹ Натуральная магия – призывает в помощники силы природы в отличие от церемониальной магии, с помощью которой призывают духов.

эффективным видом магии.

* * *

Если гримуар Ханны имел деревянную обложку, то книга, которую она приготовила для Марии, была дивным подарком и волшебством сама по себе. Для нее использовалась настоящая бумага, задорого купленная у книгопечатника, жившего в деревне. Обложка была черной, негладкой и прохладной на ощупь, несомненно, сверхъестественной по своей природе, сделанной из самого необычного материала. Однажды Кадин привела Ханну к близлежащему пруду, где та обнаружила плававшую в стоячей воде большую жабу, уже холодную и безжизненную. Ханна опустилась на колени и взяла ту в руки. Для людей необразованных жабы полны злой магии, говорят даже, что ведьмы, если им это нужно, превращаются в жаб. Судьба такой жабы – служить хранилищем, сокровищницей целительных рецептов и снадобий.

Ханна шла домой, брезжил рассвет. Кожа жабы искрилась. Это существо обладало собственной силой, которая будет передана письменным заклинаниям, внесенным в книгу. Каждый заговор в гримуаре Ханны станет вдвое могущественней. В тот же вечер Ханна приготовила кожу, тщательно просолив ее, а потом растянула на деревянной вешалке. К утру кожа жабы увеличилась в объеме вдвое, приняв форму квадрата, что означало мистические очертания сердца, со-

единявшего черты человеческого и чудесного и представляя четыре стихии: огонь, землю, воздух и воду. Это было знаком могущества, любви и глубокой печали.

Летом, в день солнцестояния, когда Марии исполнилось десять, Ханна подарила ей книгу. Девочка лила горячие слезы, в первый раз на своей памяти. Хотя и говорят, что ведьмы не способны плакать, иногда это случается. Марию переполняла благодарность к Ханне. Впервые в ее жизни что-то принадлежало ей, и только ей одной. Она навсегда запомнила этот день как дату своего рождения: тогда она начала формироваться как женщина. Судьба Марии была связана с этой книгой, словно ее будущее записали в ней симпатическими чернилами. На первой странице оказались правила магии, которые Ханна определила обязательными для исполнения.

Делай что хочешь, но не наноси никому вреда.

То, что отдашь, возвратится к тебе тройне.

И с этого дня каждый следующий день стал уроком: учиться приходилось все больше и больше, казалось, для всего, что надо выучить, не хватит времени. Ханна начала слышать в доме потрескивание, издаваемое ужасными созданиями – жуками-точильщиками. Этот звук гулко разносится во времена голода, при эпидемиях чумы и других болезней, предвещая скорую смерть. Никогда нельзя сказать заранее, чья жизнь в опасности, но в этот раз Ханна знала. Обнаружив в стене за кроватью маленькое аккуратное отверстие, проделанное жуком-точильщиком, Ханна попы-

талась выкурить его желтым едким дымом, но безуспешно. Потрескивание стало еще громче, временами оно становилось оглушительным, но способа предотвратить уже объявленную смерть не было: ведь каждый земной человек обязан знать, когда придет его час.

Возможно, девочка предвидела смерть Ханны раньше ее самой: Мария усердно учила заклинания при свете лампы, пытаясь выяснить, можно ли обратить вспять проклятие и отпугнуть смерть. В десять лет Мария уже знала о темных сторонах жизни. Она слышала истории, которые рассказывали клиентки Ханны, видела женщин настолько больных, что их нельзя было спасти. Мария знала, что жизнь и смерть всегда ходят рука об руку, и понимала, почему гримуар после смерти владельца нужно передать его кровному родственнику или уничтожить. Если магия попадала в чужие руки, она становилась очень опасным оружием. В час смерти своей приемной матери Марии надлежало сжечь книгу, еще до того, как тело Ханны будет предано земле.

Мария принялась составлять собственную книгу, заполнив ее первые страницы уроками Ханны, которые навсегда стали для нее подлинным сокровищем. Девочка все очень тщательно записывала своим кривым некрасивым почерком чернилами из коры дуба, боярышника и пепла сожженных голубиных костей, найденных ею в траве. Она наладила контакт с голубями, как и со всеми птицами, и впоследствии не раз радовалась, что это сделала.

Для любви

Заварите чай с тысячелистником, уколите третий палец вашей руки, добавьте три капельки крови и дайте вашему возлюбленному.

Никогда не режьте петрушку ножом, если вы влюблены, иначе вам будет сопутствовать неудача.

Соль, бросаемая в огонь в течение семи дней, вернет сбившегося с пути возлюбленного домой.

Приворот для неверных мужей: перо, волосы, кровь, кость.

Проткните свечу булавкой. Когда пламя достигнет булавки, появится ваша истинная любовь.

Чтобы добиться расположения Венеры во всех делах любви, соберите в одном месте белую одежду, голубя, круг, звезду, седьмой день, седьмой месяц, семь звезд.

Изучать любовь вместе со знатоком – настоящий подарок судьбы, но Марию удивляло, почему, имея доступ к магической силе, Ханна провела свою жизнь без любви, в одиночестве.

– А с чего ты это взяла?

Ханна не смотрела девочке в глаза из страха, что та догадается о чем-то, что лучше хранить в тайне. Есть секреты, которые следует держать при себе, – особенно связанные с сердечными ранами, ведь печаль, высказанная вслух, проживается дважды.

И все же Мария не любила, когда ее вопросы остаются без ответа, а теперь ее любопытство только усилилось.

– А у тебя была любовь? Я никогда не видела здесь мужчину.

– Думаешь, до того, как ты появилась на свет, я не жила?

Интерес Марии от этих слов только возрос. Поджав губы, она погрузилась в раздумья, пытаясь воссоздать историю собственной жизни. Кем она была до того, как ее подбросили на Любимое поле в тот снежный день? Кто подарил ей жизнь и любил ее, а потом оставил на попечение вороны? Похожа ли она на своих мать или отца, ведь у каждого человека должны быть родители? Глаза Ханны повлажнели, и вовсе не от яркого солнца.

– В твоей жизни была любовь, – убежденно заявила Мария.

Девочка словно прочитала это в воздухе, будто прошлое Ханны было составлено из букв, помещенных в книгу, а книгой этой был мир, через который они шли.

Разговор происходил в лесной чаще, где Ханна учила Марию прятаться, если возникнет такая необходимость. Памятуя о временах охоты на ведьм, требовался план побега, годный при любых порядках. Нужно было брать пример с птиц, сидевших в глубине леса так тихо, что даже лиса не могла их выследить.

Ханна строго посмотрела на девочку.

– Когда ты говоришь, ты становишься видимой.

Мария, затаив дыхание, притаилась под кустами можжевельника, недалеко от того места, где ее нашли. Она знала цену тишины. Кадин устроилась на ветку над ней и тоже сидела тихо. Возможно, у птицы, как и у ее хозяйки, тоже случались видения. С тех пор как ворона нашла девочку в поле, она не провела и ночи вдали от нее, и Мария всегда скрепляла волосы заколкой из почерневшего серебра, которую Кадин принесла в подарок. Иногда Мария представляла себе, что заколку носит длинноволосая рыжая женщина, ее прежняя владелица. Какова бы ни была история этого украшения, оно останется главной ценностью на всю ее жизнь, даже когда Мария окажется на другом конце земли.

– Принеси мне что-нибудь удивительное, – просила она Кадин, поглаживая перья любимой воровки, когда та отправлялась в полет. – Только не попадайся.

Птица пролетела над полем и исчезла вдали как раз в тот день, когда Мария научилась прятаться и становиться невидимой. Было тепло, на ивах распускались листья. Почва вокруг была болотистой, Фэйтсковая пустошь поросла папоротником. По дороге к дому Ханна призналась, что Мария права. Старуха глядела смело и открыто, словно вновь стала молодой, вспоминая то, что хотела бы забыть.

Мария не отставала:

– В самом деле?

Ханна редко признавала, что девочка в чем-то права. Она считала, что характер ребенка формируется правильно, если

он привык думать, что чаще всего не прав и нужно многому учиться.

– Он был простым человеком, батраком в графском имении, и, чтобы отдать долг, должен был отработать на своего хозяина семь лет. У бедняков часто так бывает, и я его ни в чем не виню. Я была согласна ждать, но меня арестовали. Сказали, что я воспользовалась умением писать, чтобы отправлять послания дьяволу, что у меня есть хвост, что когда я прохожу мимо, все мужчины подвергаются опасности. И дело не в моей женской привлекательности, я понимала, что вовсе не красива. Меня обвинили, что я могу заставить кровь человека кипеть или сделать ее холодной, как лед. Полагаю, моего друга убедили свидетельствовать против меня: когда мой процесс закончился, он получил свободу, да и денежки в его кошельке завелись. Именно он сказал, что у меня был хвост и что ему пришлось отрубить его, чтобы я больше походила на женщину, чем на ведьму. Он дал им хвост землеройки и клялся, что он мой. Правду говорят: те, кто верит глупцу, сами становятся круглыми дураками.

– Так это и есть любовь? – удивилась Мария.

Ханна отвернулась, как бывало, когда она не хотела выставлять чувства напоказ. Но скрыть печаль было невозможно: Мария ощущала другого человека так ясно, словно слышала его сокровенные страхи и желания.

– Быть этого не может!

– Но у меня было так.

– А у меня?

– Ты смотрела в черное зеркало. Что ты там видела?

Вопрос был очень личный, но Мария решила ответить искренне.

– Я видела дочь.

– Что ты говоришь?! Будешь счастливой женщиной!

– И мужчину, который подарил мне бриллианты.

Ханна громко рассмеялась. Одежда на них была рваная, до ближайшей деревни – полдня пути, а драгоценностей никаких, кроме природного ума и украденной вороной заколки. Мужчина с бриллиантами казался далеким, как луна.

– Что бы с тобой ни произошло, меня ничто не удивит. Но хоть мы и обладаем даром предвидения, повороты твоей судьбы, девочка моя, будут удивительны.

За много миль от них зазвонил колокол. Мария никогда не бывала в соседней деревне, не видела кузницы, где ковали изделия из железа, и ничего не знала о полицейских, церковных старостах, сборщиках пошлин. Она не имела представления ни о врачах, применявших для лечения пиявок, живых червей и легкие лис, ни о медиках, презиравших народную медицину. Ханна верила в свой талант лекаря, перед каждым осмотром мыла руки чистой водой с хорошим мылом и редко теряла пациентов, за исключением безнадежных больных, для которых не существовало лекарств.

Ежегодно в марте Ханна варила черное мыло, сжигая ветки рябины и орешника, чтобы получить золу для пригото-

ления щелока, используя масло, настоящее на лакице, добавляя сушеную лаванду для удачи и розмарин для улучшения памяти. Жидкое мыло выливали из ковшей в деревянные формы, где оно затвердевало в бруски. Мария записала рецепт в свой гримуар – именно такое мыло чаще всего просили женщины в городке. Они говорили, что всякий раз, как пользуются им, становятся моложе. Если женщину что-то печалило, мыло смывало грусть, когда в дом приходила болезнь, она не передавалась другим – травы, входившие в состав мыла, побеждали лихорадку и озноб. Этот рецепт можно было дополнять ингредиентами по желанию пациента.

Омела – для тех, кто хочет иметь детей. Вербена – чтобы спастись от козней врагов. Семена черной горчицы – чтобы отогнать ночные кошмары. Сирень – для любви.

В тот год в деревню пришла хворь, сопровождавшаяся сильным кашлем, и люди испугались, что вновь поднимется волна эпидемии, как это случилось несколькими годами ранее, когда повсюду царил Черная смерть. Жизнь в маленьких городках остановилась: некому было хоронить мертвых, а скот жил в опустевших домах, без крыш, окон и дверей. Деревенские женщины перестали пользоваться услугами местного эскулапа, который нигде не учился, верил в кровопускание и для определения болезни и методов ее лечения применял камни. Ночью по тропинке, заросшей зеленым папо-

ротником, женщины шли на прием к Ханне. Мир словно родился заново, и им казалось возможным все, даже спасение.

Для здоровья

Вымой руки щелочным мылом, прежде чем лечить больного.

Варится конская мята и приготавливается патока – для избавления от кашля.

Чай из виноградного лука и лобелия – для смягчения горла.

Мелисса – для спокойного сна.

Уксусные эликсиры останавливают носовое кровотечение.

Ешь сырой чеснок каждый день и выпивай чашку горячей воды с медом и лимоном.

Для лечения астмы пей чай из ромашки.

От простуды – чай из корня имбиря.

Солодковый корень, собранный на берегу реки, – для избавления от грудной боли.

Драконова кровь из коры и ягод драконова дерева, красного смолистого дерева из Марокко и с Канарских островов. Ее можно найти только на одном лондонском рынке, она способна излечить почти любую рану.

Если потереть ожоги живой улиткой, это поможет залечить волдыри.

Корми простуду, мори голодом лихорадку.

Летом 1674 года стояла необычайная жара. В их домик пришла рыжеволосая женщина и по воле судьбы принесла с собой будущее. Она постучала в дверь, и Ханна, немного поколебавшись, сказала: «Войдите». Так, без предупреждения, часто приходят дурные вести. На гостье была красивая, но забрызганная грязью одежда, красные лайковые туфли с пряжками, синяя накидка из тонкой шерсти, отороченная лисьим мехом. Она носила льняное платье, окрашенное в алый цвет отваром корня марены, и шелковую нижнюю юбку. Но под ее красивой, хотя и испачканной в дороге одеждой расцветали пурпурные синяки, а на запястьях виднелись отметины от связывавшей их веревки.

Мария, сидя у очага, разглядывала рыжеволосую женщину. Незнакомка была красивая, ее приятный голос звучал спокойно. Она назвалась Ребеккой и попросила оставить ее на ночь. Ханна позволила ей спать на соломенном тюфяке. Добрые поступки должны приносить удачу, но так случается далеко не всегда.

Рыжеволосая леди искала средство для охлаждения любовного пыла ее мужа. Дама убежала от супруга, и это был пагубный шаг, поскольку в истории был замешан еще один, горячо любимый ею мужчина. Женщина искала защиты и избавления от несчастливой супружества.

– Так вот к чему приводит любовь? – поинтересовалась Мария.

– Я бы так не сказала, – ответила Ханна.

– Похоже на случай с твоим мужчиной, который заявил, что у тебя имелся хвост.

– Мой был трусом и никогда не поднимал на меня руку.

Утром, хорошенько отоспавшись, посетительница предстала перед ними в гораздо лучшем расположении духа. Ханна изготовила ей амулет из яблочных семечек и вручила настой корня мандрагоры, основной элемент любовных эликсиров, впервые упомянутый в этом качестве в Книге Бытия и названный греками травой Цирцеи¹⁰. Корень мандрагоры имеет форму человеческих конечностей, напоминая очертаниями одновременно дракона и человека. Растение это считается столь могущественным, что некоторые люди отказывались собирать его, привязывая веревку к растению и к шее собаки, чтобы именно на нее обрушился гнев мандрагоры, когда ту вытащат из земли. Мандрагора кричит, когда ее корни вырывают из уютной почвы.

Ребекка призналась, что много лет назад наслала на мужа заклятие, привязав его к себе, околдовав любовным эликсиром № 10, очень опасным магическим средством.

Заверните красную свечу, на которой написано его и ваше имя, в красную бумагу, обмакните в голубиную кровь и сожгите ночью, говоря такие слова:

¹⁰ Цирцея – в греческой мифологии дочь Гелиоса и океаниды Персеиды (или Персы). Родственная с Гекатой богиня луны и, как Геката и Медея, представительница чародейства, колдунья.

*Любовь моя сильнее всего, пусть он сгорит от нее.
Пусть булава сердце жжет и преданность его
зовет.*

*Пусть не забудется во сне, откуда не придет ко мне.
Только лелея образ мой, он обретет мир и покой.*

Это заклинание необходимо читать, пронзая сердце голубя на седьмой день недели семью булавами. Ребекка заплатила высокую цену за десятое магическое воздействие: оно оказалось столь сильным, что она не сумела снять заклятие и разрушить магию, которую наслала на себя, хотя более десяти лет пыталась это сделать. Теперь Ребекка нуждалась в помощи другой искусной в магии женщины, которая могла бы полностью перевернуть заклинание. Такой женщиной оказалась Ханна, мастерица в Непостижимом искусстве. Приготовив заклятие, она написала имя Ребекки и ее заговоренного мужа на белой свече, покрытой мирровым маслом. Потом заставила Ребекку произнести: «Я жгу эту свечу как знак заговора, который связывает нашу любовь. Пусть небесные силы уничтожат эту магию!»

Ханна обернула свечу белой тканью – чистые намерения облачены в чистые покровы, отвела посетительницу к ближайшему пруду и швырнула в него свечу так далеко, как сумела. Стоя позади Ханны и Ребекки, Мария наблюдала, как тонет свеча. Они чувствовали, как разрушается заклятие, словно пыль сыплется с неба. И вот настал безумный миг, когда все трое заплясали, встав в круг, забыв о всех тя-

готах мира.

Потом Ребекка смыла с одежды грязь и пятна крови, повесила ее сушить на хрупкие ветки низкого кустарника. Ребекка носила несколько амулетов и талисманов – желуди и агат, нанизанные на красную нитку, и медный кружок с выгравированной на нем пентаграммой. На обоих ее запястьях тоже были амулеты, стянутые узлом и вплетенные в браслеты для защиты. Лето стояло жаркое, птицы прятались в тень.

«Будь осторожна», – чирикали воробьи Марии, предупреждая, что не нужно подходить к этой женщине близко. Кадин, взглянув на нее всего один раз, упорхнула подальше, но Марию обворожительная незнакомка зачаровала. Ханна вручила посетительнице брусок черного мыла, Ребекка направилась к берегу и, обогнув камыши, вошла в прохладную зеленоватую воду. Она носила исподнее, расшитое синей ниткой, под одним коленом виднелась красная метка в форме полумесяца. Мария подошла ближе. У нее самой была на руке отметина в виде звездочки.

Ханна всегда заставляла Марию мыться водой из ведра, а не в пруду, но сейчас девочке захотелось раздеться и искупаться. Ханна, схватив ее за руку, сказала:

– Нет, тебе нельзя. Вода обнаруживает, кто ты есть на самом деле.

Марии никогда не разрешалось подходить к пруду, однако она ощущала зов прохладной воды. Девочка заметила, что всякий раз, когда Ребекка пыталась нырнуть, у нее ничего

не получалось. Вода словно выталкивала ее, и Ребекка так и не смогла ни нырнуть, ни плыть, погрузившись в воду и отдавшись на волю течению. Наконец она сдалась. Умывшись черным мылом, Ребекка поплыла назад к берегу без усилий, как лист водяной лилии, красивый, изнеженный цветок.

– С ней что-то не так? – спросила Мария.

– Такие, как она, ведьмы от рождения, не тонут. Хорошо это или плохо, не нам судить. Она обладает магической силой.

Мария обдумывала услышанное, наблюдая, как гостья одевается в наряд, успевший высохнуть на солнце. Благодаря черному мылу она выглядела еще моложе и красивее, но тело было покрыто кровоподтеками. Если она, как многие до нее, всерьез собиралась избавиться от любви мужа, надо было прийти сюда давным-давно. Вероятно, просто не сумела тайком улизнуть. Беглянки опасны: они несут на каблуках беду. Мария ощущала приближение угрозы, пахнувшей огнем и кровью.

– Вечером я вас покину, – заверила их леди Ребекка.

Ее шелковая юбка шуршала; от красавицы было трудно оторвать взор, она несла с собой смерть, как многие заговоренные, и все же казалась такой пленительной, что Мария чувствовала: она очарована ею.

Ребекка положила руку на голову Марии и увидела заколку.

– Смотри! – Она наклонилась, чтобы девочка увидела ее

затылок. – И у меня такая есть. Была еще одна, но ее из-за моей глупости украли черная птица: внезапно налетела, а я не успела ее отогнать.

Мария закусил губу. Конечно, это Кадин своровала за-
колку.

– Можете взять и эту, – поспешно сказала она. – Тогда у вас снова будут две.

– Спасибо за предложение, но мне приятно видеть это украшение в твоих волосах. Давай пообещаем друг другу носить их каждый день.

* * *

Ханна стряпала ужин, и Мария пришла ей помочь. У них имелись яйца от своей курицы и грибы из леса. Ханна не ела говядину и ягнятину, она готовила овощной суп, который подавала прямо в чугунном горшке. Мария была слишком любопытна, чтобы удержаться от вопроса:

– Зачем эта женщина сюда приехала? Если она сама имеет магическую силу, почему ею не воспользуется?

– Магия, применяемая в своих интересах, – коварная штука. Ее нужно пускать в ход, чтобы помогать другим. А если используешь ее для себя, она может сработать против тебя самой и принести неопишуемые беды. Как ты, наверно, догадалась, наша посетительница не вполне бескорыстна. Она наслала нерасторжимое заклятие и теперь сожалеет, что это

сделала. Пусть это и для тебя станет уроком. — Ханна точно знала, кто эта женщина, поскольку видела в ее сумке катушку синих ниток и кучку потускневших серебряных монет. — Вероятно, ей нужно что-то еще, помимо снятия заклятия.

Мария смущенно нахмурила брови.

— Когда что-то теряешь, вовсе не значит, что не захочешь снова это увидеть, — сказала Ханна девочке.

— И она захотела? — спросила Мария.

— Она убедилась, что с тобой все в порядке.

Так Мария узнала, что незнакомка — ее мать.

Лицо девочки сияло. Но вряд ли правильно верить в ту, что ненадежна по самой своей природе. Присутствие Ребекки означало, что впереди их ждет беда. Существовала причина, по которой она не приезжала повидать дочь раньше. Видно, были дела поважнее. Такова у некоторых любовь: ее, как одежду, легко надеть и снять.

— Не думаю, что она задержится надолго, — сказала Ханна. — Увидела то, ради чего приезжала, а к утру уедет. И не жди, что она станет прощаться.

* * *

Мария вернулась к пруду, чтобы помыть миски после ужина. Она села на корточки и погрузила пальцы в бархатистую воду. Мария всегда была послушной девочкой, но теперь суетливо сбросила одежду, оставив на земле сороч-

ку, юбку и блузу. Стоя на сыром вечернем воздухе и делая то, что хотела, девочка испытала острое ощущение странной свободы. Раньше у нее никогда не возникали вопросы о месте в этом мире: она была девочкой Ханны Оуэнс. Но, кто знает, может быть, она была кем-то еще. Мария быстро, чтобы не растерять решимость, прошла сквозь камыши. Лягушки с плеском разбежались в стороны, а маленькие рыбки устремились вглубь. Зайдя в пруд по колено, она бросилась в воду и сразу же поплыла без всяких усилий, не хуже, чем Ребекка, словно всегда умела это делать. Из любопытства она вылезла из воды на камень и, зажмурившись, прыгнула в воду, ожидая, что погрузится в грязные глубины. Однако вместо этого девочка так больно ударилась о поверхность воды, что у нее перехватило дыхание. Несмотря на все попытки, она не могла уйти под воду полностью. Мария, шатаясь вышла на берег, натянула на себя одежду. Она вся дрожала, не столько от прохладного вечернего воздуха, сколько от понимания: утонуть она не может.

* * *

Как и предсказывала Ханна, Ребекка покинула их дом, когда они еще спали. Дважды ей удавалось добраться до этого места: первый раз, когда родилась ее дочка, и сейчас, когда ей захотелось посмотреть на выросшую девочку. Она была не из тех, кто прощается при расставании.

Ханна и Мария проснулись, услышав, как за ней закрылась дверь. В этот миг будущее стало настоящим, а настоящее – прошлым. Ведьма провела в их доме всего одну ночь, но этого хватило ее мужу, чтобы разыскать ее. Это не было любовью: Мария догадалась об этом без всяких подсказок. Речь шла о собственнических чувствах и мести. Они услышали на Любимом поле ржание лошадей и лай собак. Ханна успела собрать в кожаную сумку самое необходимое: сыр и хлеб, смену одежды, гримуар Марии, веточку можжевельника для защиты, катушку синих ниток, пакетики с травами, заготовки для Бодрящего чая, покрашенное черной краской ручное зеркальце и тонкое шерстяное одеяло для младенца, заботливо положенное в корзинку подкидыша Марии.

Ханна отвела Марию к пруду. Они так спешили, что совсем запыхались. День выдался прекрасным, небо было ясное. В свое время Ханна поклялась, что никогда не покинет свой дом, но девочку ждало впереди ее будущее. Ханна велела ей бежать, пока не закончится лес, а затем держать путь на запад через болота до самого моря. Эта страна не для женщин с ее родословной. В новом мире, где представительницы слабого пола не считаются бесполезными существами, она добьется успеха.

– А где же будешь ты? – поинтересовалась Мария.

– Здесь, в собственном доме. Меня не удалось вернуть обратно в мир, где я когда-то жила. – Ханна сунула гримуар в руки Марии. С таким сокровищем расставались, только ко-

гда ощущали приближение своего конца. – Сожги это как можно скорее. И чем бы ты ни занималась, не возвращайся сюда.

Для мести

Восковая фигурка, брошенная в огонь, наносит вред или приводит к смерти.

Произнесенное проклятие не дает человеку сойти с того места, где он стоит.

Паслен, аконит волчий, наперстянка красная, тис, огонь.

Птичьи кости, запеченные в пирог с колючками.

Когда прибыл муж Ребекки, жук-точильщик вылез из стены и уселся на пороге дома. Его появление не стало для Ханны сюрпризом: она знала, что ее время близится к концу. С ним пришли десять мужчин, обуреваемых яростью, и половину составляли братья мужа Ребекки. С первого взгляда приняв Ханну за ведьму, они привязали ее к входной двери, пригвоздив ее тень к земле, чтобы жертва не смогла убежать. Эти мужчины умели сходу распознать хитрую бабу. Дай ей малейший шанс – и она тебя отравит или найдет другой способ причинить вред. Доверять ей нельзя, пусть даже она кажется старой и ходит с трудом.

На вопрос о рыжеволосой леди Ханна ответила:

– Она ушла домой. Если захотите вернуть ее, сильно об

этом пожалеете.

Муж Ребекки велел братьям оставить Ханну там, где она стояла, и поджечь ее дом. Чего стоила жизнь одной старухи? Для этих мужчин – ничего. Но они сильно просчитались, полагая, что она не сможет дать отпор. Внезапно повсюду залетали искры, и скоро аптекарский огород у дома оказался охвачен огнем. Загорелись и ядовитые растения, которые Мария научилась распознавать и не выдергивать из земли. Тысячелистник и черный паслен, аконит волчий, у которого цветки с фиолетовыми капюшончиками, наперстянка красная, которая может замедлить сердцебиение, тис, аронник пятнистый, напичканный ядовитыми ягодами, – все это было охвачено пламенем, черный дым которого вдыхали мужчины. Их явно веселил вид пожара.

Муж рыжеволосой леди по имени Томас Локлэнд подошел ближе всех, чтобы точно выпустить стрелу в сердце ведьмы, поэтому ядовитый дым подействовал на него сильнее, чем на остальных. Он потерял способность говорить, двигаться и даже стал плохо видеть. Вскоре дым проник и в легкие спутников Томаса, у них начался кашель, доходящий до рвоты, и приступы головокружения. Из всех оставшихся сил они побежали прочь, но совершенно больные легли на Любимом поле. Никто из них так до конца и не оправился, а несколько человек умерло в тот же день. Что несешь в мир, потом возвращается к тебе в трехкратном размере. Ханна больше всего гордилась, что подарила миру эту десятилет-

ную девочку, которая знала больше, чем многие взрослые, да и храбрости ей было не занимать.

Мария не сделала то, что ей велели. Это был урок, усвоенный у Ханны: делай то, что считаешь правильным. Она смотрела с холма на горящий дом и рыдала. Когда все было кончено и незваные гости ушли, Мария вернулась, чтобы бросить в огонь гримуар. Дым становился зеленым, поднимаясь спиралью к кронам деревьев. Горели накопленные за целую жизнь знания. Мария увидела отблеск в траве, тусклый свет от медного колокольчика с двери Ханны. Мария взяла его с собой, чтобы никогда не забывать: дверь своего дома надо держать открытой для тех, кому нужна помощь.

К вечеру она добралась до болотистой местности, где земля была такой влажной, что намок подол юбки, а кожаные туфли насквозь пропитались водой. Она шла в грязи по самые лодыжки. Мария несла собранную для нее Ханной сумку высоко над головой, следуя за вороной строго на запад. Она плакала, думая о Ханне, и горячие слезы обжигали ее щеки, когда она вспоминала Ребекку, ставшую причиной конца одной судьбы и начала другой.

Мария так близко подошла к морю, что, лизнув губы, ощутила на них соль. Здесь были другие виды птиц, в розоватом небе описывали круги чайки и болотные крачки. Вода, по которой она шла, стала солоноватой, все побережье было изрыто ходами, проделанными в вязкой почве маленькими крабами. Мария залезла на дерево, рассчитывая безопас-

но провести вечер среди листвы. С этого высокого наблюдательного пункта она видела вдали синеву – удивительное море. Перед ней простиралось ее будущее.

Мария знала: прошлое миновало, с ним покончено.

Она никогда больше не станет наблюдать, как горит другая женщина.

II.

Ворона запоминает проделанный ею путь, а Кадин уже летала этим маршрутом. Вороны – посланники, шпионы, поводыри, компаньоны, вестники удачи, добытчики сокровищ и безделушек, неутомимые, превосходящие в преданности всех птиц, животных, да и людей тоже. Кадин привязалась к своей хозяйке еще с тех времен, когда та младенцем лежала в плетеной из тростника корзинке, и потому знала все ее мысли и желания, даже куда она стремится. Фамилиар¹¹ – такое создание, будь то животное или птица, которое видит насквозь душу своего компаньона-человека и знает о нем больше, чем кто-либо другой, он разделяет страхи и радости партнера.

Их путь лежал на запад, к дому, где Кадин обнаружила серебряную заколку, которую нахально вытащила из длинных рыжих волос ее обладательницы, хотя та кричала и бросала в нее камни, но лишь слегка поцарапала. Ворона избегала Ребекку, когда та пришла со своими горестями к Ханне на Любимое поле, но сейчас направилась прямо к ее дому. Кадин

¹¹ Фамилиар – в западной демонологии маленькое животное или чертенок, исполняющий роль помощника ведьмы.

знала, что Ребекка – непростая женщина, а вороны обычно не судят людей строго.

Они добрались до устья Темзы, где воды под ногами было не меньше, чем земли, река заросла травой. Пару раз Мария чувствовала, что ее засасывает в густую грязь, которая унесла так много жизней тех, кто пытался, но не сумел перебраться через трясину. Но ее природа не позволяла утонуть, и Мария была благодарна судьбе за это. Платье вскоре промокло, но все эти земные трудности не слишком ее беспокоили. Ей довелось увидеть то, чему редко становятся свидетелями девочки ее возраста, – убийство любимого человека. Насилие, отложившись в памяти Марии, ее изменило и ожесточило. После этого она перестала быть ребенком. Ее глаза, этот серый океан, потемнели, линия рта стала жесткой, что свидетельствовало о неуступчивости характера. Она стала суровее, в чем-то сильнее, чем прежде. Даже грозное небо, покрытое облаками, не заставило ее искать отдыха и укрытия. Дождь был не в силах ее остановить: увидев Ханну, пригвожденную к двери ее дома, Мария выбрала путь и отправилась в дорогу. С каждым шагом она ощущала, что ее решимость крепнет. Она была переполнена гневом на мир, допустивший такую несправедливость. Изумрудная красота вокруг нее, где щебетали возносящие хвалу небесам жаворонки, противоречила подобной жестокости. Теперь Мария понимала, что она не такая, как другие, и ей хотелось понять, отчего это так. Она знала лишь то, чему ее научила Ханна.

Жизнь стоит того, чтобы ее прожить, что бы ни было уготовано судьбой. Мария упрямо шла вперед. Она решила разыскать свою мать.

* * *

Ребекка вернулась в особняк на краю обширного лесистого участка, некогда принадлежавшего королевской семье, ничего не зная о нападении мужа на Ханну. Она думала, что он дома, собиралась вести себя как ни в чем не бывало и надеялась, что заклятие, наложенное Ханной, сработает: муж перестанет досаждать ей своей любовью и согласится отпустить на все четыре стороны. Но дома его не оказалось, и она была этому рада. Удача может изменить даже королю, то же случилось и с ее мужем. В жилах Томаса Локлэнда текла королевская кровь, разбавленная ненавистью и алкоголем. Любви с ним у Ребекки не получилось – такое бывает даже у самых умных женщин. Она встретила своего будущего супруга совсем юной, в возрасте, когда девушка обращает внимание лишь на внешность мужчины. Ребекка была совсем неопытной, решив, что они любят друг друга. Она хотела, желала, а желание в сто раз сильнее надобности и в тысячу раз сильнее здравого смысла. Она использовала Любовный напиток № 10, заговор для совсем отчаявшихся и не думающих о неизбежных последствиях. Плата за напиток оказалась непомерно высокой, в прошлом один или оба супруга

не раз разрушали свою жизнь. Желание, если его не обуздать, способно стать проклятием.

Ребекка с легкостью околдовала мужа, но посланное в мир вернулось в троекратном размере; оно и было изначально сомнительно. Она хотела, чтобы Томас сгорал от любви к ней. Так и случилось: его злобная страсть мучила Ребекку, что стало для нее полной неожиданностью. Некоторое время спустя она увлеклась другим мужчиной, ставшим ее подлинной любовью, но Ребекка держала это в тайне. Она скрыла беременность под накидками и сорочками, и ушла одна в лес, чтобы родить ребенка, заранее решив от него избавиться. Ребекка была слишком эгоистична, чтобы стать хорошей матерью. Ей не хотелось, чтобы Мария познала вкус такой любви, как ее мать, когда женщина, по существу, становится чьей-то собственностью и никак не влияет на свою судьбу, не важно, практикует ли она магию. Ребекка, вышила инициалы на собственной одежде и на шерстяном одеяльце своей дочери, использовав для удачи синюю шелковую нитку. Каждый день она гадала, унаследовала ли ее дочь умения, которыми славились женщины в их роду. И вот наконец отправилась в путь, чтобы увидеть, какой стала Мария, хотя рисковала навлечь на себя гнев мужчины, которого боялась.

Вечером, когда Кадин привела Марию к особняку, Ребекка наслаждалась одиночеством. Распустив волосы, она попивала привезенный мужем из Вест-Индии ром. Он хранил ром под замком, но Ребекка легко открывала его с помощью

заколки для волос.

Наглотавшись дыма горящих ядовитых растений из огорода Ханны, братья Томаса Локлэнда испытывали жестокие страдания, а сам Томас не мог ни двигаться, ни говорить и пребывал в таком состоянии, что родные всерьез опасались за его жизнь. Томаса доставили в семейный дом, расположенный севернее и дальше от моря, где перепоручили заботам сестер. Локлэнды не доверяли Ребекке. Она уже успела посадить яблочные семечки из амулета Ханны. Со временем на этом месте должен был вырасти сад с особым сортом яблок «вечный», который приносил бы истинную любовь всякому, кто съел выращенный в этой долине плод. Ребекка благодарила судьбу, что оказалась одна в огромном, продуваемом ветрами доме, и радовалась избавлению от своего угнетателя, — сделать это могло только волшебство, а чары уже были пущены в ход.

Однако с наступлением ночи Ребекка ощутила нарастающее беспокойство. За ужином упала на пол ложка: то был явный признак, что одиночество скоро будет нарушено, и это Ребекку совсем не радовало. Из эгоистичной девчонки она превратилась в хитроумную женщину и хорошо понимала, что все приходит трижды, даже смерть. Налив в миску воды и чернил, она увидела там Ханну, пригвожденную к двери, и Томаса в постели, страдающего от действия яда. Ребекка испугалась, что станет третьей, кого поразит несчастье, и ждала смерти, которая войдет в дверь. Возможно, сестры Тома-

са пришлют своих мужей и сыновей, чтобы те наполнили ее обувь камнями, обернули цепями и бросили в реку, где водоросли достигают человеческого роста, а сильное течение несет воду в море.

Стук в дверь был, однако, негромким, явно не рука смерти, а шелест птичьего крыла. Явилась ворона, грабительница, бывавшая здесь много раз прежде. Если женщины, несчастливые в любви, хотят умиловить судьбу, они должны вышвыривать свое серебро через входную дверь. Ребекка не раз так и делала. Возникло целое поле серебра, потускневшего от прикосновения ведьмы, и когда всходила луна, луг заливало светом. Для любопытной вороны там был настоящий клад драгоценностей.

– Убирайся! – потребовала Ребекка, узнав создание, имевшее наглость вытащить заколку из ее волос. Кажется, от одного из камней, которые Ребекка в нее швыряла, у птицы сохранился шрам на голове.

Кадин улетела, зная, на что способна эта женщина. Крылья вороны на мгновение загородили свет восходящей луны. Ребекка вышла за порог, закрыв один глаз рукой, чтобы лучше видеть птицу, заколдовать и таким образом избавиться от нее раз и навсегда. Но тут же забыла об этом, увидев Марию. Ребекка оставила на Любимом поле младенца, а теперь перед ней предстала настоящая фурия в промокшей одежде с завязанными узлом темными волосами.

Ребекка вышла навстречу дочери, испытывая беспокой-

ство: что-то явно случилось. На влажной траве темнели ее следы, как неправильные решения, принятые на распутьях жизни. Девочка была необычным созданием, это видела даже Ребекка, озабоченная лишь собственными делами. Ты рождаешься с талантом. Он и дар, и проклятие, и причина для зависти тех, кто его лишен. Впрочем, таланты Марии вызывали у Ребекки гордость – ведь она была ее матерью. Она мало походила на родительницу, вела себя безответственно, но материнское сердце у нее было.

– Почему ты меня бросила? – воскликнула Мария, вложив в этот возглас больше эмоций, чем хотела. Она носила в себе этот вопрос с того дня, когда узнала, что Ханна не ее мать.

– Для твоей безопасности. – Отговорка, конечно, но походило на правду.

– Чтобы защитить меня от отца?

Мария была слишком умна, чтобы удовлетвориться простым ответом. У Ребекки не было причин лгать и дальше, Мария все равно бы все узнала. Девочка явно обладала даром видения. Ни настоящее, ни будущее не было для нее тайной, отражаясь в уголке ее глаза. Она видела все: смерть, благословение, любовь – и мир это знал. В траве возле нее собирались белые мотыльки, на ветви одного из старейших в графстве вязов слетались голуби. На этом дереве вешали грабителей: куда бы ни привязывали веревку, дерево становилось кроваво-красным, а земля под ним – алой. Там даже трава не росла. Семья Локлэндов славилась наследственной

жадностью и жестокостью, и даже деревья знали их историю.

– У моего мужа никогда не было детей, – тихо сказала Ребекка.

– Но был же у меня отец. – Лицо Марии осунулось. Она ощущала себя вывернутой наизнанку. Ее семьей была Ханна Оуэнс, а теперь она осталась в этом мире одна. – Наверное, не помнишь, кто он. Ты забыла, что твой муж наказывает любого, кто осмелится тебе помочь. Твои родственники пришли, чтобы убить женщину, которая меня вырастила.

Мария бесстрашно встретила взгляд матери. Она обвиняла Ребекку в смерти Ханны, высказываться начистоту было ей свойственно. Мать, конечно, была искушена в магии сильнее, чем она, но Мария обладала более сильным характером.

– Не думала, что так случится, – сказала Ребекка. – Ханна была хорошей женщиной. Именно поэтому я оставила тебя у нее. Мне даже в голову не пришло, что муж сумеет меня выследить. – Рыжие волосы Ребекки доходили почти до пояса. Она всегда была самодовольна, но сейчас ее лицо выражало искреннее раскаяние. – Я разбросала кайенский перец и лаванду, чтобы сбить собак со следа. Думала, он предпочтет мне выпивку, накачает себя ромом и не сможет меня разыскать. Я ошиблась, недооценив силу Любовного напитка № 10. Ничего не могу уже исправить, но даже если я виновата, хочу, чтобы ты осталась со мной. Если бы у тебя был ребенок и ты его потеряла, а я никому не пожелаю испытать такую трагедию, возможно, ты бы простила меня.

Мария внимательно рассмотрела дом – три этажа светлого камня и вымощенный булыжником двор, родовое гнездо Локлэндов более двухсот лет. Потом взглянула на мать, которая в одиночестве родила ее в снежном поле, а не в этом прекрасном особняке. Инициалы Марии на ее одеяльце были вышиты синей ниткой из шелка, свитого за полмира отсюда светящимися червями, превратившимися в мотыльков с яркими крыльями.

Наверно, этому суждено было случиться. Мария заняла комнату на верхнем этаже дома, самую большую, с замком на двери, так что никто не мог нарушить ее уединение: ведь магия – это очень личное дело, даже когда речь идет о матери и дочери, а магия была единственным, что теперь ее занимало.

* * *

Ребекка не умела ни читать, ни писать, но в вопросах любви была знатоком. Ее гримуар был заполнен руническими знаками, которые составляли древнейший алфавит алхимии. Она использовала эти символы, чтобы обозначить травы, которые нужно применять для лечения, и те, каких следует избегать, какие заклинания лучше всего произносить при убывающей, а какие при нарастающей луне, чтобы привести в действие силы земли и неба. В устах новичка такие заклинания были опасны. Ребекка обучила Марию восьми менее

сильным любовным заговорам и познакомила с Любовным напитком № 9, столь могущественным, что для его приготовления приходилось надевать перчатки. Любовный напиток № 10 она использовала сама и никому его не рекомендовала. Если бы Ребекка узнала, что Мария переписала его рецепт в самый конец своего гримуара, она бы лишь посоветовала дочери быть бдительной. У магии есть разные, в том числе и зловещие стороны, и, если ты принесла что-то в этот мир, отвечаешь за это всю жизнь.

Саму Ребекку притягивала область тьмы, то, что иногда называют зловещей магией. Ее мало заботил гнев мужчин, даже мужа, который, прожив с ней много лет, знал о ее талантах достаточно, чтобы рисовать вокруг нее соляной круг и привязывать к железному стулу, прежде чем бить, – ведь соль и железо истощают силы ведьмы. Узнав истинную природу супруги, муж поначалу даже пытался изменить ее, но безуспешно. Ребекка знала, как ослепить мужчину и позволить ему видеть снова, какие травы помогают вызвать беременность, а какие способны ее прервать. Многие формы магии были знакомы Ребекке не хуже, чем углы и стены в ее спальне. С первых дней жизни она не ведала страха и всегда искала мщения. Ребекка, как и Мария, росла без матери и рано научилась рассчитывать только на свою смекалку, чтобы выжить. Ее мать тоже была ведьмой, исчезнувшей сразу же после рождения дочери. Ребекка была изгоем с самого начала: отец не желал, чтобы она жила в его доме. Ребек-

ка сознательно оставила своего ребенка на Любимом поле, а не с нянькой, испытав на себе ужасы такого детства. Нянька выбивала из памяти девочки любые проявления магии, будь то белый олень, приходивший к ней без всякого испуга, или отметина в виде красного полумесяца на ноге. После экзекуции маленькую Ребекку запирали в темной комнате, пока она не научилась держать свои особенности втайне от окружающих. Нянька кормила девочку всего раз в день, так что малышке приходилось красть еду из чулана, но теперь она была благодарна этой ужасной женщине, научившей ее выживать. Красотой и талантом Ребекке удалось проложить дорогу в дом Локлэндов, но ей хотелось, чтобы у дочери был настоящий дом. Ребекка слышала о снадобьях Ханны Оуэнс и выбрала эту женщину, чтобы та вырастила ее ребенка в любви и развила ее таланты к Непостижимому искусству. Теперь, спустя годы, она сама хотела стать наставницей для дочери. Ребекка ощущала себя подлинным учителем Марии, она имела доступ к тайному знанию, известному только женщинам их семьи. Они принадлежали к старому роду ведьм, чья кровь чернела на снегу, которые умели исцелять или ранить словом и травами, разговаривать с птицами и пчелами, изменять погоду. Соседи боялись их и уважали.

Обучаясь у матери, Мария выписала в свой гримуар списки трав и полезных растений, рецепты от печали, болезни, хворей при деторождении, средства от ревности, головной боли, чесотки, желания. Были там и заклинания, относив-

шиеся не к медицине, а к духовной сфере, – древние заговоры, начинавшиеся древнееврейским словом «абракадабра» (*Я создаю то, о чем говорю*), взятого из еще более древнего арамейского напева avra kadavra (*Это будет создано моими словами*). Некоторые заклинания были опасны, они могли нанести вред как исполнителю, так и объекту колдовства, поэтому их использовали, только если не было другого выбора. К этой группе относились заклинания о мести или спасении жизни, где в качестве чернил использовалась кровь женщины, произносившей их, чтобы только она могла прочитать эти слова. Колдовство, основанное на внушении, использующее кукол, похожих на натуру изображения, а там, где речь шла о мести, – булавки и крючки, яды без вкуса и запаха, жалящие, как оса, прежде чем их удастся распознать. Черная магия, красная магия, кровавая магия, любовная магия. Ребекка делила на эти категории и мир, в котором она жила, и невидимый мир. Мария хранила свою книгу в тайнике под половыми досками, рядом с кроватью. Женщины никогда не приходили к Ребекке за помощью, даже если сильно в ней нуждались. Они ее боялись. Ребекку не смущало, если объект ее колдовства заболел или умирал, ей было важно добиться своего. Кукла, проткнутая булавкой, флакон с кровью, птица, обескровленная в печной топке, – все это было в ее книге и использовалось по мере необходимости.

Между Марией и Ребеккой существовала определенная дистанция, они по-прежнему оставались чужими и по-раз-

ному видели свое жизненное предназначение. Мария выросла в убеждении, что нужно помогать тем, кто в этом нуждается. Единственное, что заботило Ребекку, – как сделать лучше себе самой. И все же для Марии было важно все, чему Ребекка ее учила. Они были кровными родственницами, и одна из них нередко знала, о чем думает другая, еще до того, как появлялись слова. Каждая умела хранить секреты, словно опуская шторку, чтобы держать в тайне свои наиболее сокровенные мысли. Общая кровь далеко не всегда играет решающую роль. Мать и дочь отличались друг от друга, как день от ночи. Мария знала наверняка, что никогда не бросила бы своего ребенка, окажись она тогда на заснеженном поле.

Если любовь принесла несчастье

Вербена смягчает боль безответной любви.

Паутина на дверях означает, что ваш возлюбленный вам изменил.

Чтобы вызвать страсть: анисовое семя, корень лопуха, листья мирта.

Амулеты для удачи делают из синих бусин, голубиных перьев, омель, грудных костей птицы.

Все заклинания усиливаются при нарастающей луне, а ослабевают при убывающей.

Положите два яйца под кровать, чтобы очистить атмосферу, потом уничтожьте. Не ешьте их, иначе

проглотите несчастье.

Зеркало рядом с вами отражает сглаз.

Для защиты от любви: черная ткань, красная нитка, долька чеснока, терновник.

В 1675 году, когда Марии исполнилось одиннадцать, случилась еще одна эпидемия – оспы. Некоторые города и деревни опустели полностью, двери домов стояли распахнутыми настежь, на дорогах хозяйничали грабители. То было печальное и жестокое время. Но Ребекка по-прежнему часто исчезала по ночам. Казалось, у нее было некое предназначение, и когда оно взывало к ней, она не хотела и не могла уклониться. Ребекка накидывала на свои великолепные волосы пелерину, бросала на себя взгляд в окрашенное черным зеркало, которое раскрывало ее будущее, и всякий раз делала что хотела, не думая о том, что предназначено ей судьбой. Она всегда была своевольной, как и ее мать, особенно когда дело касалось любви. Женщины в семье Ребекки владели секретами Непостижимого искусства, но все они встречались с трудностями в любовных делах, игнорируя правила и предупреждения, исходившие от разума и сердца. Любовь способна разрушить твою жизнь или освободить тебя, это может произойти случайно или быть обдуманном решением.

Наутро, когда Ребекка возвращалась, ее одежда была вся в колючках, волосы распущены, на горле и плечах отметины, словно от укусов животного, и вся она была такой разгоря-

ченной, что даже плащ был ей не нужен. Мария, хоть и была еще ребенком, знала, почему ее мать пропадает ночами, а весь следующий день отсыпается за закрытой наглухо дверью. Ребекка уходила из дома ночь за ночью, одетая в свой лучший наряд: черный кринолин, красное платье и того же цвета обувь.

И вот в одно росистое утро, когда солнце еще не взошло, Ребекка обнаружила, что Мария поджидает ее на Серебряном лугу, усеянном выброшенными когда-то за дверь, на удачу, ложками, подсвечниками и подносами. Кадин только что принесла Марии три пряди черных волос, и, взяв их в руку, девочка сразу раскрыла материнский секрет.

Ребекка замерла на месте, словно непослушная девчонка, пойманная с поличным строгим опекуном. Ее башмаки скользили по грязи, на шее алел свежий след от укуса, словно кто-то принял ее нежную плоть за яблоко. Ребекка демонстративно задрала подбородок, она даже в детстве отличалась своенравием, а эта черта редко исчезает с возрастом.

– Ты хочешь задать мне вопрос? – спросила она у дочери.

Девочка очень быстро росла, в ней уже проглядывала будущая женщина, темноволосая и не в меру любознательная, что шло ей только на пользу. Она легко выносила суждения, была обидчива и беззаветно верна. У нее уже прошли первые месячные, можно было сказать, что она стала женщиной. И она умела гораздо больше, чем могла вообразить Ребекка. Мария была колдуньей, влиявшей на погоду: она могла оста-

новить дождь, стоя под ливнем с поднятыми вверх руками, или растопить снежные заносы. Она умела лечить от лихорадки, любовного безумия, бессонницы, невезения. Посмотреть на нее тайком от матери приходили соседи с окрестных ферм, с волнением ожидая у пустого сарая, где Мария сушила травы. Ребекка считала, что магию нельзя купить, невозможно и одарить ею – это природный талант, доступный только членам семейного клана. Однако Ханна учила Марию другому: если у тебя есть дар, им надо делиться. Что ты выпустишь в мир, вернется к тебе в трехкратном размере. Если болен ребенок, если старуха теряет зрение, если семья бедствует, Ханна делала ради них все, что могла. Она не требовала никакой платы за услуги, принимая лишь то, что ей давали, – серебряную ложку, пирог со смородиной, медную монету.

Поджидая отсутствовавшую всю ночь мать, Мария сжимала в руке пряди волос, которые ей только что принесла ворона. Они были точно такого же цвета, как ее, черные как ночь, но более жесткие. Мария знала, что они принадлежали мужчине, ставшему причиной ее рождения. Она чувствовала, каким он был: неприметно жившим человеком, привыкшим делать то, что хотел, умевшим скрывать от людей свое истинное лицо, убедив их, что он совсем другой.

– А я думала, у меня нет отца, – сказала Мария.

– Официального нет.

– Но какой-то отец все же есть. Тот, от кого ты сейчас вернулась.

Мария отдала матери пряди темных волос, и та приняла их с редкой для себя нежностью и положила в медальон, который носила на шее.

Мимо проезжал верхом мальчишка с фермы. Он испытывал робость и страх, приближаясь к дому, где, по словам деревенских жителей, обитали целых две ведьмы. Одна из них могла проклясть, другая – вылечить, но вдвоем они были способны сделать все, что хотели, и не было от них никакой защиты. Ведьм в этом мире лучше всего избегать любой ценой. Мальчик же вел себя так, как учил его хозяин. Лошадь была старой и почти хромой, но мальчик гнал ее быстро. Ни один курьер не хотел бы, чтобы его перехватила и стала допрашивать Ребекка Локлэнд.

– У лошади этого мальчишки хвост такой же черный, как твои волосы, – сказала наблюдавшая за всадником Ребекка. – А что, если этот старый жеребец и есть твой отец и ты человек только наполовину?

Мария стояла, уперев руки в бока. Девочке не нравилось, когда ее принимали за дуру, пусть даже собственная мать.

– Одно я знаю наверняка: нечеловеческая половина унаследована от тебя.

Мать и дочь находились на грани ссоры, но их внимание отвлек мальчик, который прыгнул на землю, прибил к двери какую-то бумагу, оседлал своего старого коня и быстро

скрылся из вида, прежде чем Мария и Ребекка успели вернуться. Ребекка, запыхавшись, сорвала бумагу с двери и вручила ее Марии для чтения.

– Семья твоего мужа претендует на этот дом. Завтра они явятся сюда и отберут его вместе со всем, что тебе принадлежит, – сообщила Мария. – Они имеют на это право по закону: твой муж сейчас болен и находится на их попечении.

Незамужняя женщина может иметь собственность, но у жены нет никаких прав – это заявление не стало для них неожиданностью. Дом Локлэндов всегда был тюрьмой для Ребекки, и она была рада, что у нее появился благовидный предлог его покинуть. Ей предстояла иная жизнь в другом месте. Мать и дочь стали паковать вещи, которые для них что-то значили; их оказалось немного. Мария взяла смену одежды, свой гримуар с пером и чернилами, зеркало с темным стеклом для гадания и колокольчик с двери Ханны. Ребекка собрала немного украшений, взяла любимый пистолет мужа и остаток почерневшего серебра. Если бы они остались в особняке, их могли отправить в тюрьму Брайдуэлл, где как неимущих и одиноких женщин принудили работать и, возможно, держали в заключении до конца жизни.

Самым мудрым шагом было бежать куда-нибудь подальше из графства Эссекс. В грядущее лучше всего вступить, пока оно еще вас ждет. У Ребекки был возлюбленный – ее прошлое, настоящее и будущее. Для него Ребекка высадила ночной сад, расцветавший после наступления темноты. Ан-

гельская труба, луноцвет, никтантес, вечерняя примула – все они ждали, когда взойдет луна.

И Мария, и Ребекка носили юбки, прекрасно подходившие для верховой езды. Нижних юбок, которые неизбежно попали бы в грязь, они никогда не надевали. Прежде чем выйти из дома, Ребекка всунула вторую заколку в волосы Марии.

– Пусть он тебя увидит в самом лучшем виде.

– Откуда ты знаешь, что он приедет?

– Мы ведь решили бежать отсюда. Локлэнды приедут забрать себе этот дом, и нам здесь оставаться нельзя. А твой отец всегда меня ждет.

* * *

Мария признала отца сразу же, как увидела. Его лошадь была черной, как и его волосы, он носил длинное верхнее платье и черные бархатные бриджи, некогда элегантные, а теперь изрядно поношенные. Похоже, ведьмы его не пугали. Усмехаясь, он окликнул Ребекку, и она в ответ назвала его Робби, этим сладкозвучным в ее устах именем, словно вновь стала девушкой и вернулась в тот день, когда впервые увидела его. Робби входил тогда в труппу актеров и часто исполнял главные роли, восхищая Ребекку, которая решила, что он ее судьба.

Во время чумы, когда театры закрыли из-за эпидемии,

Робби вступил на преступный путь. Из-за пуританских догм многие из шекспировских пьес были возрождены только в недавнее время, да и то в измененном виде. Все же иногда возникали временные труппы. Некоторые нанимали Робби, несмотря на его скверную репутацию в лондонских театрах, где он порой обкрадывал сослуживцев, предварительно их обворожив. Со временем он сделался скорее вором, чем актером, уже и не мог вернуться к своему истинному призванию. И все же он считал себя не грабителем, а исполняющим эту роль человеком и в этом качестве преуспел. Особый интерес он проявлял к лошадям, женским сердцам и деньгам других мужчин.

Увидев Марию, Робби стал с интересом ее разглядывать, но не задал никаких вопросов, лишь слегка кивнув в знак приветствия. Она со своими черными волосами, разделенными посередине пробором, и красивым строгим ртом показалась ему грустным созданием. Он даже не нашел слов, чтобы мысленно описать ее, лишь недоуменно потряс головой. Робби изумительно произносил со сцены чужие слова, но не умел выразить собственные впечатления. Есть люди в этом отношении косноязычные: им нужна подсказка, которая позволила бы выразить эмоции, кроме случаев, когда они в постели с любимой женщиной, – тогда они способны проявить себя тысячью способов.

Мария наблюдала, как обнимаются ее родители. Ей самой требовался человек, который беседовал бы с ней часами и

его интересно было слушать, который умел сочинять собственные истории. Мужчина, который с интересом выслушивал бы то, что она хотела ему сказать.

Большую часть жизни Робби, чтобы выжить в этом мире, старался не размышлять о своих поступках. Он привел с собой лошадь для Марии, недавно изъятую у местного фермера, а Ребекку посадил на свою. Любовь его жизни наконец оказалась рядом с ним, и ему этого было достаточно. У воров тоже есть душа и сердце. Прежде чем они уехали, он взял кремень, высек искру и зажег пучок сена, накрученного на стрелу. Ею он выстрелил из лука в дверь, а еще шесть стрел, оснащенных таким же образом, послал в окна. Робби уже однажды проделал нечто подобное в пьесе о королевском сыне, который лелеял в душе чувство мести, но тогда горящие стрелы были направлены в бадью с песком за сценой. Теперь он с огромным удовольствием исполнил все это на самом деле. Робби улыбнулся, и лицо его стало совсем другим: он вновь стал красив, как мальчик. Марии стало понятно, за что ее мать так любила этого человека.

– Это мой подарок тебе, – сказал он Ребекке, глядя на пламя, поднявшееся высоко к небу.

Даже если стены величественного каменного здания и будут еще стоять, когда явится семья владельца, чтобы предъявить свои права, внутри дома все превратится в пепел. Это была в чистом виде месть за все годы, которые муж Ребекки у них украл.

Они двигались на юг, пересекая устье реки. Временами лошади оказывались по грудь в воде. Стоял восхитительный, словно окрашенный золотом день. Мария ехала верхом следом за родителями, слыша всплески материнского смеха, красивого и мелодичного. С Ребеккой произошла изумительная перемена: теперь, когда Робби был с ней, она превратилась из ведьмы во влюбленную женщину и дала волю своим эмоциям.

Мария размышляла о том, что надо было спросить у матери, пока они жили вместе. Девочка приобрела богатые знания о снадобьях и заклинаниях, но совсем ничего не знала об истории своей семьи. Как они стали такими? Была ли в этом какая-то игра природы? Почему их кровь чернела, попав на огонь? Почему они должны всячески избегать воды, хотя не могут утонуть? Для кого-то колдовство становилось выбором, но только не для них. Оно таилось в самой их природе, и надо было как-то с ним управляться, но как женщина может выжить, если ее будут всю жизнь осуждать? Спрашивать обо всем этом теперь было слишком поздно. Перед ними лежало будущее, и Мария видела, как оно разделяется надвое: их судьбы расходятся в разные стороны, и каждая идет своей дорогой.

Отец Марии то и дело оглядывался, словно не мог пре-

одолевать изумление, что она существует. Мария поняла, что для нее нет места в их душах: любовь родителей была исключительной и не могла вместить что-то еще. Такая любовь между мужчиной и женщиной иногда случается: они видят лишь друг друга и никого больше. Именно ради этой любви ее мать бросила дочь на заснеженном поле: Ребекке надо было скрыть черные волосы девочки, чтобы никто не заподозрил, кто ее отец. Робби никогда не арестовывали как грабителя, но ему не удалось бы избежать убийственного гнева Томаса Локлэнда, если бы тот узнал правду и обнаружил, что у его жены есть любовник. Отца Марии, хотя и хорошего актера, трудно было принять за невинного человека.

Они ехали долго, и, когда наконец добрались до моря, Мария изумилась и испугалась одновременно. Перед ними расстилалась вода, необузданная синяя морская стихия. Прибой оглушительно шумел. Это был новый, неизвестный мир с неисчерпаемыми возможностями. Мария свела счеты с Англией еще во время пожара на Любимом поле. Она радовалась, что на ее плече сидит Кадин, единственный верный друг. Мария была еще совсем юной, и мир казался ей огромным, а себя она представляла в нем крошечной песчинкой.

Они остановились у трактира, чтобы купить немного еды. Робби зашел внутрь, а Ребекка спряталась за тисами, чтобы ее не опознали члены семьи мужа, если они ее отслеживают, обнаружив, что весь интерьер их фамильного особняка сгорел дотла. Робби принес мяса, хлеба и сыра. Мария нако-

мила ворону, ничего не взяв себе.

– Ты что, собралась голодать? – спросил Робби скорее из интереса, чем проявляя заботу.

Его глаза были черны как смоль, рот широк, скулы высоки. Робби был так красив, что в Лондоне женщины часто преследовали его на улице, а некоторые, увидев, лишались чувств, словно герой театральных представлений, которые они посетили, внезапно обрел жизнь. Когда Робби говорил с Марией, на его губах играла улыбка: присутствие дочери его смущало и забавляло. Она стала настоящей красавицей, а это обещало принести ей и удачу, и горе. Робби был человеком немудрящим и не привык выносить людям оценки. Он знал, кем была Ребекка, и не осуждал ее за это. Ведьма – диковинная штука, особенно если ты ее любишь. Если бы не Ребекка, он не тратил бы время на спасение этой холодно взиравшей на него черноволосой девочки, а давно бы уже покинул Англию вместе с возлюбленной. У Робби даже возникло желание написать пьесу о том, как в один прекрасный вечер он впервые увидел Ребекку и не устоял перед ее чарами. Она уже была замужем, но для них это не имело никакого значения: любовь поглотила их целиком.

– Скажи мне, девочка, – обратился он к своей незнакомой дочери, – чего ты хочешь от этого мира?

– Чтобы моя жизнь принадлежала только мне и мне не пришлось бы платить за грехи родителей, – ответила Мария. – Куда мне для этого уехать?

Она зажмурилась, и настоящее стало прозрачным. Мария увидела будущее, где Кадин летела над ней в другой мир с какими-то неведомыми ей растениями. Там росли колючие кустарники и склонялись на ветру деревья с кроваво-красными листьями и белыми как снег ветвями.

Путники были уже недалеко от гавани: в небе парили чайки. Неподалеку находился Лондон: из его труб большими черными облаками поднимался дым. Огромный город казался диковинным и ужасным местом. Земные дни здесь могли внезапно прерваться, но здесь же могла и начаться новая жизнь. Однако Мария знала: не в этом городе она обретет свое будущее.

Ребекка подошла и встала рядом с возлюбленным.

– Мы приехали сюда, чтобы ты обрела собственную жизнь, – сказала она дочери. – Думали о твоём будущем и решили отправить тебя подальше от Англии.

– Не скажу, что меня это сильно удивляет, – заметила Мария с горечью.

Разве они нуждаются в ней, если настолько поглощены друг другом?

Родители обменялись взглядами. Да, трудный подросток, иначе не скажешь. И все же это был их ребенок, и они хотели, чтобы Мария находилась на безопасном расстоянии от семьи Томаса Локлэнда, которая могла причинить ей вред. Такое труднодоступное место существовало: оно называлось Кюрасао, остров, принадлежавший Голландии, где девоч-

ку ждало будущее, совершенно не похожее на уединенную жизнь среди болот, которую вела Ханна Оуэнс. У Марии был выбор: остаться в стране, где женщина не имеет никаких прав на собственную жизнь, или согласиться с планом родителей и отправиться на другой конец света.

– Ладно, – сказала Мария, схватив горбушку хлеба. Она умирала от голода. Мария встретила отца, ближе познакомилась с матерью, и ей повезло, что ее нашла Ханна Оуэнс. Теперь Мария была готова к самостоятельной жизни. – Я поеду туда, куда вы меня пошлете, но только вместе с вороной.

* * *

Они отправились в Саутгемптон, и там в лавке у порта Ребекка купила дочери прощальные подарки: тяжелую шерстяную пелерину и пару башмаков для путешествия. Мария сбросила с ног изношенные и рваные кожаные туфли с шерстяной подкладкой. Она была в восторге от подарков: накидка мягкая и красивая, а башмаки, сшитые из красной кожи в Испании, – настоящее чудо. Каждой ведьме следует иметь пару такой обуви, не важно, работает она в поле или идет по залам особняка.

Ребекка была счастлива, что ее покупки понравились дочери.

– Я знаю тебя лучше, чем может показаться, – весело сказала она. – Мы одной крови, и нам нравятся одни и те же

вещи.

По-своему Ребекка искренне любила дочь, но, если от чего-то отказываешься, учись без этого обходиться, даже если вначале испытываешь душевные муки. Простой ты смертный или нет, живи дальше, пусть тебя и грызет печаль. Ребекка не оставила в наследство дочери гримуар, но та и не рассчитывала на это, Ребекка сама им пользовалась, и поэтому Мария переписала все материнские познания в собственную книгу. Зато Ребекка вручила дочери кожаный мешок с несколькими пакетами полезных трав, свечами из пчелиного воска и катушкой синих шелковых ниток – всем, что необходимо для приготовления амулетов и снадобий. Среди подарков оказался также мешок апельсинов из Испании, купленных за большую цену на рынке.

– Они помогут тебе сохранять здоровье на борту корабля. Никогда не оставайся без ниток, – сказала Ребекка девочке. – То, что сломано, можно починить, как это делала я, если настанут трудные времена. И послушай моего совета: держись как можно дальше от мужчин. Любовь – это несчастье, а несчастье – это любовь.

Хороший совет от женщины, которая так бездумно полюбила недостойного человека, причем не один раз, а дважды. Даже здесь, в порту, Ребекка не отводила взгляд от Робби. Правильно говорят: недостатки, которые видишь в других женщинах, у себя не замечаешь. Вечная любовь, которой отчаянно жаждешь, любовь, которая входит в дверь, любовь,

даже если это ошибка, принадлежит тебе одному.

Робби заключил сделку с капитаном судна из Амстердама, которая, по мнению отца Марии, должна была устроить всех. Они ударили по рукам, и Робби, держа лошадей наготове, тихо свистнул и отвесил поклон – самый красивый мужчина трех английских графств. Ребекка заулыбалась и помахала рукой, словно на сердце у нее было спокойно. Однако хватало и толики предвидения, чтобы понять: впереди их всех ждут нелегкие испытания.

– Так, значит, в этом состоит любовь? – спросила Мария у матери, которая не отводила глаз от стоявшего у пирса Робби.

– О да! – воскликнула Ребекка. – Я готова за нее умереть.

Так, по сути дела, и случится. Когда шериф поймает Робби и осудит за совершенное им преступление, Ребекку повесят рядом с ним, не за колдовство, в котором ее могли обвинить, а как сообщницу в конокрадстве – грехе, хорошо знакомом ее любимому. Когда прошел слух, что у Ребекки, мол, есть при себе травы, она носит амулеты на запястьях и шее, тюремщики надели на ее ноги железные колодки, поскольку ведьма теряет магическую силу в металлических оковах и способна лишь проливать слезы, которые обжигают землю. Робби произнес речь, которую слушатели в толпе, в особенности женщины, запомнили на долгие годы. Он говорил о вечной любви, о том, что они с возлюбленной были вместе на этом свете и разделят участь на небесах. Обращаясь

к Ребекке, он процитировал «Бурю»¹², в постановке которой участвовал, так проникновенно, что все решили, будто он сочинил это сам:

Но слушайте, что говорит душа.
Увидя вас, я вашу власть признал
И сердце отдал вам навеки в рабство¹³.

Толпа оценила речь по достоинству: слова были действительно прекрасные. Многие женщины аплодировали, но Робби все равно повесили. Ребекка увидела фрагменты казни заранее в отражении воды из канавы. И все же это ужасное событие свершилось быстро, а время, проведенное ими вместе, было бесценно и стало частью сделки с судьбой, с радостью заключенной Ребеккой. Как она говорила дочери:

- Любовь иногда выходит из-под нашего контроля.
- У меня все будет иначе, – отвечала на это Мария.

Она обожала подаренные матерью красные башмаки и всегда их носила, но изо всех сил старалась не повторить ее жизненный путь. Мария поклялась, что никогда не позволит любви управлять своей жизнью.

Стоя на пирсе, мать с дочерью крепко обнялись на прощание, чуть ли не впервые дав волю чувствам. Несмотря на долгое время, прожитое порознь, сердца обеих женщин бы-

¹² «Буря» – пьеса Уильяма Шекспира, традиционно считается одной из последних в его творчестве.

¹³ Акт 3, сцена 1. Перевод Т. Л. Щепкиной-Куперник.

ли устроены схоже: их было удивительно легко разбить, но в важные моменты жизни и мать, и дочь проявляли недюжинный характер, именно такой момент настал и теперь: обе понимали, что расстаются навсегда.

* * *

Этот мир оказался намного больше, чем воображала Мария. Морские создания казались огромными: они плавали у самого борта корабля, извергая дурно пахнущую воду и мелких рыбешек. Девочка видела скользкие темные растения, прилипающие к корпусу судна, зубастых рыб, чешуйчатых морских змей и покрытых темно-фиолетовыми водорослями синих крабов, которых вытаскивали сетями. По ночам сквозь черное небо прорывались звезды, а когда шел дождь, мир казался перевернутым вверх дном: вода была и внизу, и сверху. Во время самых неистовых штормов сильные мужчины кричали и звали матерей, а рыбы прыгали на палубу, чтобы избежать бурлящих волн, но Кадин трещала в ухо Марии, что им лишь надо остаться в живых, ничего больше. Вдохни, покрепче за что-нибудь схватись, и вскоре вновь появится небо, синее, как стекло, и люди вернутся к своим делам, уже не помня, как рыдали, мечтая очутиться в материнских объятиях. Матросы долго помнили, что Мария знала о приближении шторма еще до того, как на горизонте появлялись тучи, и, хотя вначале они пренебрегали ее снадобьями,

скоро стало известно о ее даре целительства, и многие обращались за помощью, если становились больны. Матросы известны своим грубым нравом, и, казалось, Марии угрожала опасность: даже в своем юном возрасте в их глазах она была женщиной, но никто не осмелился обидеть ее или потискать в темном углу. Она знала вдвое больше девочек ее возраста. Мужчины видели это в ее глазах – в них отражались их собственные судьбы.

Мария использовала скипидар для лечения спазма жевательных мышц, патоку с солью как целебную мазь для заживления глубоких порезов, которые без этого гноились, отравляя кровь, вымоченный в кипящем молоке черный и зеленый чай с мускатным орехом против дизентерии. Если бы кто-то из моряков обидел Марию, его шансы закончить путешествие живым и здоровым сильно уменьшились бы. Ее ценили, и, хотя никто не говорил это вслух, вся команда полагала, что им повезло иметь на судне такую пассажирку.

Для морского путешествия

Чай из иссопа избавит человека от глистов.

Бasilik поможет сохранить рыбу.

Огуречная трава исцеляет нарывы.

Имбирь и уксус для лечения язв.

Мята при зубной боли.

Если корабельная кошка спит, свернувшись клубком,

ожидается плохая погода.

Если восходящее солнце красное, будет дождь.

Не бери соль за столом у другого человека, иначе вам обоим не повезет. Если просыпал соль, брось щепотку через левое плечо.

Синюю нитку зашивают в каждый предмет одежды для защиты.

Ханна научила Марию, как предохранить сухари от жука-долгоносика; за эти сведения повар и все пассажиры были ей особенно благодарны. От крыс можно избавиться с помощью аконита, тмин хорош при укусах пауков, корень пиона защищает от штормов, кошмаров и безумия – встречались и те, кто сходили с ума от бесконечного буйства моря. Мария исцеляла людей, и ее превозносили чуть ли не как святую, хотя были и такие, кто считал ее ведьмой. Матросы – суеверный народец и традиционно прибегают к морской магии. Под мачту помещали серебряную монетку, лист бумаги во время плавания никогда не разрывали надвое, деревянные мачты метили раскаленным железом, чтобы изгнать злых духов и сохранить судно во время штормов. Кадин, которую могли счесть вестником несчастья, смерти и разрушения, с радостью приветствовали, после того как Мария убедила всех, что это не ворона, а черный альбатрос. Хотя никто из матросов раньше слыхом не слыхивал о подобном создании, все знали, что каждый день в мире происходят чудеса. Альбатрос приносит морякам удачу, и никто не осмелился

возражать Марии.

Капитан, голландец Дрис Хессель, всегда носивший непромокаемую куртку до колен, пропитанную дегтем и животным жиром, редко делал что-то, не сулившее выгоды. Он пустил на борт Марию, договорившись продать ее после прибытия в Кюрасао за шестьдесят шиллингов. Неплохая сделка, учитывая, что голландец заплатил отцу Марии всего сорок. Актер в театре выживает как может, и капитан корабля считал себя вправе быть не слишком щепетильным, даже если предмет торга – человеческое существо. Марии предстояло стать прислугой на целых пять лет, и кто бы ее ни купил, он получал на этот срок безоговорочные права на нее. Когда срок контракта истечет, владелец брал на себя обязательство ее освободить. То, что девушка зашила синей ниткой рану Хесселя, в которого во время шторма попала щепка от мачты, ничуть не изменило его намерений относительно судьбы Марии. Все в этом мире имеет свою цену: и дыхание, и жизнь, и путешествие.

Многие на борту судна были португальскими беженцами, заплатившими за проезд установленную цену. Их преследовали за веру и вынудили бежать из страны. Евреям не разрешали исповедовать их религию в Испании и Португалии, как, впрочем, и в Англии с Францией, поэтому им пришлось отправлять религиозные обряды тайно, пока они наконец не обрели место, давшее им свободу. Те из них, кто пересек океан, хотели жить вольно, оставаясь верными традициям. Их

называли португальцами, они везли с собой сушеную треску и сыр с артишоковым порошком, который добавляли в еду, а поверхность съестных продуктов, чтобы не гнили, была покрыта паприкой. Мария учила их язык, хорошо воспринимая на слух иноземную речь, и помогала женщинам, страдавшим от морской болезни; она давала им ложку имбирной пасты и ломтик апельсина, тщательно деля снадобье между больными беженками и их детьми, и даже слабый вкус свежего фрукта был для них тонизирующим средством. Мария выслушивала их истории и наблюдала, как в пятницу после захода солнца они тайно зажигают свечу. Свечи опасны на море, как религия на суше.

Ночью Мария укутывалась в свою пелерину и смотрела, как на небе появляются звезды, сначала по одной, а затем созвездия вихрями прорывали тьму, образуя сияющий световой поток. Как безбрежен и красив мир, особенно для девочки, которая выросла в глуши, ни разу не побывав даже в маленьком городке, не видев ни лавки, ни рынка, ни церкви воскресным утром, заполненной людьми под колокольный звон.

Марии хотелось, чтобы рядом с ней на палубе стояла Ханна и предвкушала будущее, ждавшее ее приемную дочь в стране, где женщине позволено управлять своей жизнью. Мария была благодарна судьбе за то, что добрая женщина нашла ее в снежном поле и вырастила, и за унаследованный от Ребекки дар предвидения. Грядущее по-прежнему было

скрыто в тумане, даже когда она пыталась увидеть его сквозь черное зеркало, – ведь она изменила судьбу, отправившись в морское путешествие. Прежними остались лишь некоторые подробности: дочь, которая у нее будет, мужчина, который подарит ей бриллианты, снег на ветках деревьев. Мария видела фрагменты будущего и знала, что обретет свободу, которую не могли себе представить ни Ханна, ни Ребекка. Всегда существовали женщины, обладавшие теми же талантами, что и Мария, и большинство из них искало убежища от мира, чтобы им не устроили проверку утоплением. Если ведьма не тонула, это свидетельствовало о том, что она заключила договор с самим Сатаной. Если тонула – была невиновна, но вся польза, которую ей это приносило, заключалась в том, что утопленницу извлекали со дна реки или пруда, нередко с железными колодками на ногах. Предшественницы Марии решили бы, что она сошла с ума, отправившись в долгое морское плавание, когда вокруг нет ничего, кроме волн. Мария твердо знала, что бояться следует не воды, а людей, которые видят зло там, где его нет и в помине.

В ветреные дни, когда казалось, что шторм забросит корабль на небеса, и матросы привязывали себя веревками, чтобы их не унесло воздушным вихрем, Мария держала Кадин под своей пелериной и кормила кусочками сухого бисквита. Когда на корабле приходится жить неделя за неделей, он становится ужасным местом: еды и питья все меньше, кругом всякого рода зараза, вши и крысы, штормы и молнии.

Иногда людям казалось, что их конец близок. Мужчины, до того никогда не взывавшие к Богу, бормотали молитвы, иногда на непонятном морякам языке. Женщины благословляли своих детей, крепко прижимая их к себе, чтобы уйти вместе с ними в смертную пучину. Но Мария умела предвидеть будущее и знала: они достигнут места назначения. Посмотрев в черное зеркало, она убедилась, что солнце там будет светить ярко, что улицы там вымощены красноземом, а деревья цветут круглый год.

– Тише, – говорила она детишкам из Португалии, когда те плакали. – Мы почти достигли другого конца земли.

* * *

Когда они приплыли, все было точно так, как она видела, – то оказался край диковинок и чудес. Пассажиры озирались и хлопали глазами от изумления, не понимая, куда их привез корабль. Кактусы поднимались в небо на тридцать футов, колючие кусты акации расцветали яркими лимонно-желтыми красками, а деревья диви-диви так гнулись на ветру, что казалось, будто они смотрят в небо. Дети говорили, что эти деревья – маленькие люди в пальто. В небе порхали желтые и оранжевые птички – кассики и банановые певуны. Водились там и королевские тиранны, фламинго, колибри, размером не больше пчелы, которые, пролетая рядом с ухом человека, оставляют в голове легкое гудение. Были и птицы, которые

летают только по ночам, козодои и четверокрылы, пьющие росу с больших, как блюдца, листьев, мелькая в сумерках черными тенями.

Благодаря тому, что остров заселяли евреи-сефарды, а также благодаря испанской работорговле, там наблюдалось этническое многообразие. Многие носили скромную традиционную одежду – длинные юбки *сайя*, которые надевали поверх панталон, и рубахи со сложным рисунком из двух, а то и трех узоров.

В порту Марию ждала девушка по имени Юни, всего на пару лет старше ее самой. Юни послали встретить Марию. Она захлопала в ладоши и громко поздоровалась по-голландски, не поверив, что Мария почти не понимает этот язык.

– Тебе лучше научиться говорить по-нашему, – дала совет Юни по-английски. – А может быть, лучше оставить все как есть: не придется слушать, что говорит мистер Янсен.

Капитан вручил Марии ее документы, согласно которым она принадлежала семейству Янсен из Виллемстада и должна была работать на них, пока ей не исполнится шестнадцать лет, после чего обретет свободу. И только тогда она поняла, что отец продал ее в рабство. Конечно, в свое оправдание он сказал бы, что не желал причинить ей вреда и сделал это в интересах безопасности. Ведь она была ребенком и не имела за душой ни гроша.

– А ты свободна? – спросила Мария у Юни, когда они шли

через порт.

Порт кишел торговцами рыбой и моряками. Некоторые, не имея подданства какой-либо страны, выходили в море на свой страх и риск и становились пиратами.

– Я в таком же положении, что и ты. Не рабыня, но и не свободная женщина. Иными словами, мы никто.

Кожа Юни была теплого коричневого цвета, черные волосы такие же длинные, как и у Марии. Ее африканская мать попала в дом Янсенов как рабыня, а двоюродная бабушка обрела свободу, проработав в этой семье тридцать лет. Сама Юни всю жизнь находилась в услужении без всяких документов, которые фиксировали бы срок ее зависимости от хозяев. Марии это показалось настоящим рабством.

– У тебя нет никаких бумаг? – переспросила она. – Ты не знаешь даты, когда получишь свободу?

Юни была очень красива, и проходившие мимо мужчины всех слоев общества на нее откровенно пялились.

– Мистер Янсен придерживает меня для жениха. Я стану свободна, когда выйду замуж.

Но всякий раз, когда у Юни появлялся ухажер, мистер Янсен находил у него какой-нибудь изъян. Не важно, был ли мужчина африканцем, евреем или голландцем, он неизменно получал отказ.

– Niet goed genoeg, – всякий раз говорил он. – Недостаточно хорош.

– Я вообще не собираюсь замуж, – объявила Мария.

Она видела в будущем дочь, но не супруга, а лишь человека с бриллиантами, появление которого теперь, когда они шли вдоль деревянного пирса, а над головой кружились стаи попугаев, казалось невероятным поворотом судьбы.

– Это ты теперь так думаешь. Подожди немного. Если выйдешь замуж, больше не будешь служанкой.

– Я не вполне уверена, смогу ли стать ею сейчас, – сказала Мария, нахмурившись.

– Мы делаем все, что нам велят, пока хозяева не лягут спать, и только тогда предоставлены сами себе.

У Марии никогда не было ни подруги, ни даже желания ее иметь, но в этой далекой стране она была благодарна доброй девушке, которая взяла ее под свое крыло.

– Делай то, что я делаю, говори то, что я говорю, – и все у тебя будет хорошо, – заверила ее Юни.

Было легко себе представить, как на острове действуют заклинания. Небо ранним вечером было не синим, на нем играла целая палитра цветов, от розового до темно-фиолетового, от кобальтового до черного. Здесь обитали шестьдесят восемь разновидностей бабочек, включая больших оранжевых, черных монархов и тигровокрылых, которые летают только в тени. Воздух будто двигался и казался живым, внезапно налетавший ветер был ласковым, наполненным запахом соли и морских водорослей. Запертая в ящике для переноски Кадин просилась на волю.

– Не сейчас, – говорила ей Мария. – Скоро тебя выпустят.

– Миссис Янсен не понравится твоя птица. Скажет, что она грязная и испакостит весь дом, – предупредила Юни, но Марию это не слишком беспокоило.

– Ей совсем не обязательно знать о Кадин.

Юни только усмехнулась в ответ. Новая девушка казалась ей самой занятой из всех ее знакомых, и было даже интересно, как хозяева уживутся со служанкой, которую не особенно волнуют их правила.

Мария наконец скинула грязную одежду, которую носила день и ночь, не снимая, вымылась обжигающе горячей водой и едким мылом. Так началась ее новая жизнь. Она была еще девочкой и очень устала от морского путешествия, но не забывала, что надо делать все возможное, чтобы выжить. В комнате вместе с ней и Юни жили еще две служанки, сестры из английского Манчестера, которым оставалось отработать всего год, чтобы выполнить договорные обязательства.

– Не успеете и глазом моргнуть, как нас уже здесь не будет, – наперебой похвалялись сестры. У них была привычка разом говорить одно и то же. Сестры считали, что они лучше, чем Юни, чья мать была рабыней, и чем юная и неопытная Мария.

Мария подождала остальных девушек, чтобы вместе с ними идти на ужин, но прежде всего спрятала гримуар под половицы. Ей хватало ума держать в секрете историю своего семейства, поскольку ее таланты могли принести как удачу, так и несчастье. Девочка оказалась в весьма любопытном ме-

сте, совершенно не похожем на все, что она знала прежде. Там, где прежде была тьма, теперь струился свет. Мария жила уединенно, а теперь оказалась в многолюдном доме. Большая часть жизненного пространства находилась на открытом воздухе. Она пересекла двор и оказалась в заросшем буйной растительностью саду, удивившись, как такое возможно на сухой почве субтропиков. Мария прошла по аллее, засаженной манговыми деревьями, ямайскими яблонями и яркими кустами алоэ, испещренными желтыми цветками. Возле них она наконец выпустила Кадин. Мария изготовила амулет с одним черным пером, который повесила на шею вороны, зная, что ту всегда можно будет позвать и она вернется, как бы далеко ни улетела. Ворона посидела на ветке гуавы и взлетела в мглистое небо нового места обитания.

Наступил вечер. Сама луна здесь казалась другой: она мерцала бледным серебристым светом. В мокрых солончаках водились диковинные птицы: фламинго, белые и алые ибисы, зеленые цапли, большие синие цапли и увенчанные черной короной ночные цапли, которые кричали во тьме, как молящие о пощаде женщины. Но самой прекрасной из всех птиц Мария считала ворону-воровку: в ней было больше сострадания, чем в человеке, и куда больше преданности.

* * *

На ужин им подали *фунчи*, кукурузную кашу с небольшой

миской *стобы*, пряного тушеного мяса, сдобренного папай-ей, — остатки семейного обеда Янсенов. Это был большой клан, три дочери были уже почти взрослые и мечтали о мужьях. По словам Юни и сестер из Манчестера, работы по дому всем хватит с избытком. Они были рады, что к ним присоединилась Мария.

Сама она старалась быть бодрой и вежливой. Ханна всегда учила ее: посторонним не следует знать, что у тебя на уме. Нельзя давать другим повод наказать тебя за твои мысли и убеждения. Мария полагала, что никто не вправе отдать ее в чью-то собственность, но не поднимала шума, зная, что в конечном счете сама будет вольна решать свою судьбу. Чтобы развлечь других девушек, Мария предсказывала им будущее по линиям ладони. Она объяснила, что у женщин правая рука показывает судьбу, с которой они родились, а левая говорит о том, что они пережили, какой делали выбор, изменивший предначертанное им от рождения. Линия сердца всегда самая интересная: она показывает, кто эгоистичен, кто будет доволен жизнью, чье сердце легко разбить. Она предсказала всем, что они влюбятся и выйдут замуж (так и случится), опуская лишь неприятные подробности: кто из них влюбится слишком легко, кто обретет печаль, кто сделает выбор, о котором впоследствии пожалеет. Девушки из Манчестера были в восторге от редкого таланта Марии и называли ее своей младшей сестренкой. Младшие сестры хорошо ладят с близкими, когда они себе на уме, и со стороны Марии было муд-

ро поддерживать со всеми хорошие отношения, по крайней мере так долго, как ей это было нужно, пока она не обретет свободу. У Марии оставался в запасе один драгоценный апельсин из подаренных матерью, и она поделила его с другими служанками, прежде чем все улеглись в белые металлические кровати. Девушки радовались, что она с ними, и никто не жаловался, что теплыми вечерами Мария оставляет окно открытым, чтобы Кадин всегда могла вернуться домой.

III.

Никто не знает, куда уходит время, но оно исчезает. В том странном краю, похожем на сон, Марии исполнилось пятнадцать лет. Все краски там были очень яркими, и иногда Мария, стоя в сияющем свете, ловила себя на мысли, что тоскует по темной зелени леса и по черным от мороза папоротникам. Она не хотела быть служанкой, никому бы этого не пожелала, и все же выполняла порученную работу согласно списку, каждое утро вручаемому ей миссис Янсен. Мария стала превосходной кухаркой, научилась бесшумно входить в комнату и выходить из нее, двигаясь босиком по кафельному полу, чтобы не беспокоить хозяев. Она расчесывала дочкам Янсенов волосы, промывала их ромом, чтобы сделать сильными, шила им свадебные платья. Мария узнала, что яйца хорошо сохраняются в известковой воде, что яичными белками, пропитанными ртутью, травят клопов, что фитили ламп утрачивают дурной запах, если прополоскать их в уксусе, а потом высушить хлопчатобумажные волокна на свежем воздухе. Она научилась вытряхивать ковры вместо того, чтобы выметать их, и стирать шелковые платья в зеленом чае, чтобы они вновь блестели. Днем она старалась не под-

нимать глаз и думала о текущих делах. Однако ночью, после того как супруги Янсен укладывались спать на простыни, которые они с Юни выстирали мылом, сваренным из золы и щелока, а потом вывесили на просушку в сад, чтобы ткань источала сладкий запах свежего воздуха и ароматов цветочных клумб, она была предоставлена самой себе.

Мария держала в тайне, кто она на самом деле, какие таланты унаследовала от безымянных женщин, своих предшественниц. Она незаметно убирала белье, прежде чем начнется дождь, чтобы никто не заподозрил, что она об этом знает заранее, никому не говорила, как с помощью горстки белого порошка ей удалось прогнать крыс из сада и что она оставляет у дверей спальни чеснок, соль и розмарин, чтобы защитить ее обитательниц от злой воли. Мария не объяснила, почему не отважилась войти в воду, когда свободным воскресным днем они с Юни пошли на берег океана. День был великолепный, море манило, но Мария знала, что будет с такой, как она: вода станет выталкивать ее, и подлинная природа девушки будет раскрыта. Вот почему Ханна пряталась в лесу, а Ребекка никому не демонстрировала свои таланты. Этот мир опасен для женщин, особенно для тех, чья родословная заставляет их поступать не так, как велят, а так, как им нужно.

Жаркими ночами Мария и Юни вылезали через окно, чтобы побродить по острову. Они были молоды, полны интереса к жизни и хотели вырваться за пределы своей комнаты, да и спалось в жаре не очень-то хорошо. Девушки сблизились, теперь они остались вдвоем. Сестры из Манчестера, Кэти и Сюзанна, отработав свой срок, тут же выскочили замуж за первых подвернувшихся мужчин, случайных ухажеров, которых Мария советовала отвергнуть. Она погадала на чайниках, изучила рисунок ладоней сестер и сказала, что надо подождать: появятся другие мужчины, тогда можно будет сделать выбор или вообще отказаться от замужества и жить самостоятельно. Но сестры ее не послушались и стали супругами двух молчаливых, мрачных братьев. Их жизнь мало изменилась по сравнению с той, что они вели в семействе Ян-сенов, только теперь они вели хозяйство не в роскошном доме, а в деревянных лачугах рядом с гаванью. Хижины стояли на сваях над самым морем, притиснутые друг к другу, так что половые доски гнили от сырости, а на мебели и посуде оставалась серебристая пленка соли. Когда задули пассаты, сестрам ничего не оставалось, как прибить мебель гвоздями к полу, а себя привязать к стенам джутовыми канатами. Мужья почти все время отсутствовали, ловили рыбу, чему обе сестры были рады. Супруги плохо с ними обращались: секс

существовал лишь для мужского удовольствия, и жены ни в чем не могли им перечить. Мария, придя к ним в гости, принесла сочные красные яблоки, необычный для тех мест фрукт, который и стоил немало. Она посоветовала сестрам с именами мужей на устах колоть яблоки иглой, а затем запечь их в пироги и угостить супругов. Тогда эти угрюмые, раздражительные рыбаки станут хоть немного добрее и внимательнее. Сестры в ответ сшили для Марии синюю шаль, которую разукрасили изображениями чуть ли не всех птиц, водившихся на острове. Они испытывали к ней огромную благодарность и впоследствии даже называли своих первых дочерей Мариями, произнося это имя с любовью и признательностью по сотне раз на день.

* * *

Когда Мария и Юни по ночам вылезали через окно, чтобы побродить по аллеям и песчаным тропкам, они чувствовали себя счастливее, чем дочери Янсенов, которые носили тяжелые шелковые платья, корсеты на косточках и тесные туфли, стиравшие ноги до волдырей. Им редко разрешали самостоятельно выходить из дома, даже когда они вышли замуж и поселились отдельно от родителей. Юни часто окликали молодые люди и мальчишки, изумленные ее красотой. Марию же никто не замечал. Она хорошо выучила урок, преподанный ей Ханной и Ребеккой, и, чтобы уберечь себя от любви,

носила под платьем черную юбку, прошитую по кайме синей ниткой и выстиранную в воде с добавлением гвоздичного масла и терна. Мария умела выбирать тенистые места для прогулок. Никто не останавливался на ней взгляда дважды.

* * *

Мария и Юни часто брали с собой ослика, который жил в конюшне вместе с господскими лошадьми. Когда он упирался и отказывался везти их домой, чтобы успеть к семейному завтраку, заставляя тащить себя на веревке, они называли это неповоротливое создание *Slechte Jongen*, что по-голландски значило «плохой мальчик». Они словно возвращались в детство, держась за животы и закрывая рты ладонями, чтобы их смех не был слышен. Но этот мир не предназначался для детей – только для работы и послушания. На острове одни люди имели все, а другие – ничего. Можно было догадаться, кто есть кто, по обуви, по цвету кожи, по тому, опускает ли человек глаза, гуляя по извилистым улицам.

Иногда ночью девушки посещали пещеры к северу от города, где некогда прятались беглые рабы. Там и в ту пору находили их кости. Между 1662-м и 1669 годами Голландская Вест-Индская компания и Королевская Африканская компания на Ямайке провезли через Кюрасао двадцать четыре тысячи рабов. Эти пещеры были сакральным местом для ко-

ренного населения острова, араваков¹⁴, полностью исчезнувшего – араваки были убиты, взяты в рабство и отправлены на плантации на других островах или умерли от болезней. Туземцы оставили после себя рисунки более чем тысячелетней давности. В этих пещерах, где были выбиты картины их жизни, как они ее знали или себе представляли, Мария часто зажигала белую свечу в память о Ханне Оуэнс. Она была благодарна ей за то, что та прятала ее от остального мира на Любимом поле, и за то, что одарила ее умением читать и писать.

На плантациях острова трудились рабы, которые обретут свободу лишь через сто лет. Чтение считалось для них преступлением. Как говорила Ханна, грамотность дает власть, поэтому тех, кто приобщал рабов к книгам, брали под арест. То было мерзкое время, когда люди владели себе подобными, а к женщинам относились скверно по обе стороны океана. Но и здесь, на острове, существовала магия. Ее завезли с берегов Африки и называли «бруха» от испанского *bruja*, что значит «ведьма». Магией пользовались в лечебных целях местные лекари, которые помогали одержимым злыми духами при помощи амулетов и заклинаний. К колдунам обращались те, кто жаждал мщения, или искал милосердия, или что-то потерял. Мария наткнулась на следы отправления та-

¹⁴ Араваки (самоназвание – локоно) – индейский народ группы араваков в приатлантических районах Гвианы. В основном проживают в Гайане, а также в Суринаме, Венесуэле и Французской Гвиане.

ких культов: круг, нарисованный на земле, амулеты с бусинами, ракушками и перьями, размещенные внутри сакрального пространства. Когда Мария упомянула о своей находке Юни, та призналась, что ее двоюродная бабушка Одри практиковала бруха.

– Возьми меня на собрание поклонников культа, – попросила Мария.

– Никогда, – категорически отказала Юни.

Бабушка предупредила, чтобы Юни держалась от магии подальше. Она сказала, что женщина всегда платит слишком высокую цену за интерес к таким вещам. Но Мария проявила настойчивость. Стоя внутри круга, она ощутила прилив сил.

– Я ни о чем больше не попрошу, – обещала она Юни. – Мы просто будем наблюдать. Я сделаю всю работу по дому за целую неделю и никогда не раскрою твои тайны.

Тайны Юни сводились к тому, что она целовалась с несколькими молодыми людьми и иногда пряталась от хозяйки в высоком комоде. Но подруга есть подруга: в конце концов Юни сдалась и взяла Марию на собрание. В день проведения ритуала девушки, взявшись за руки, наблюдали за ним с самого высокого мангового дерева. Участники собрания пели так красиво, словно на поляне собрались ангелы с высокими чистыми голосами, далеко разносившимися в синеве наступающего вечера. Один за другим подходили клиенты, многие удрученные и в слезах: горящие родители, влюбленные женщины, мужчины, надеющиеся выбраться из

беды.

Когда совсем стемнело, собравшиеся разошлись. Мария и Юни едва не засыпали от усталости, но, как и договорились, пробрались в огороженный песком круг, чтобы рассмотреть оставленные амулеты, предназначенные как для живых, так и для мертвых, – морские ракушки, камни, пакетики с семенами, маленькие белые кости. Девушки были настолько увлечены магическими предметами, что не заметили: они не одни. Одри, двоюродная бабушка Юни, вышла из-за ограды. Ее посетило видение, что одна из этой парочки юных леди скоро столкнется с серьезными неприятностями. Бабушка Юни жестом подозвала их. Она была очень стара и известна как *куриосо*, мастерица готовить целебные чаи. Она хорошо знала, что в этом мире можно доверять только кровным родственникам. Одно дело, ее внучатая племянница, совсем другое – незнакомка, которая явилась за ними шпионить.

– Зачем ты привела ее сюда? – спросила она у Юни.

Перед ней стояла юная служанка, не имевшая ни гроша за душой. Но на сгибе руки девушки, с внутренней стороны, Одри заметила отметину.

– Это моя подруга, бабушка. Мы только смотрели.

Старуха покачала головой и зацокала языком. Потом без тени сомнений заявила:

– Она ведьма. Держись от нее подальше.

Юни рассмеялась и так же уверенно возразила:

– Будь она ведьмой, стала бы она надраивать дом Янсенов,

стирать их белье и наполнять ванны? Да никогда!

– А почему бы и нет? Я-то всем этим занимаюсь. – Одри повернулась к Марии и взглянула прямо в ее серебристые глаза. – Не приходи больше сюда.

– Я восхищена тем, что вы делаете.

– Неужели?

– Да, ваше мастерство меня впечатлило. И я хорошо умею хранить тайны.

– Надеюсь, что снова тебя здесь не увижу, – сказала Одри, и в этот раз ее реплика имела совсем другой смысл – не явный запрет, а лишь предупреждение, что не следует больше попадаться. – И чтоб я не слышала, что ты с кем-то об этом говорила.

Так они получили разрешение наблюдать собрания изда-лека, но достаточно близко, чтобы слышать заклинания. Одри их как бы не замечала, но в одну из ночей, когда собравшиеся разошлись, жестом подозвала обеспокоенных девушек.

– Только та, другая, – сказала Юни двоюродная бабушка. Когда Мария приблизилась, Одри спросила:

– Зачем ты сюда ходишь?

– Потому что вы очень много знаете, – ответила Мария.

Если Одри и была польщена, суровое выражение ее лица нисколько не изменилось.

– Ты мне не кровная родственница. Зачем мне передавать тебе знания?

– Я применю их на практике. Не боюсь таких вещей. Женщина, вырастившая меня, была похожа на вас. Единственное, что мне нужно, – научиться тому, что вы умеете.

После этого Юни убегала ночами из дома с кавалерами, а Мария проводила время с Одри. Она добавила в свой гримуар ее уроки. Это были списки растений, которые могли ослабить лихорадку, разжечь мужское воображение, облегчить деторождение, а также рецепты для мести и любви, для здоровья и благополучия и чтобы отвести проклятия.

Средства исцеления с Кюрасао

Чай со сметанным яблоком с глянцевого зеленого дерева с желто-зелеными цветками излечивает от бессонницы, избавляет от инфекций и вшей.

Мампуриту¹⁵ – тонкие водоросли для приготовления чая, исцеляющего от тошноты и судорог.

Клейстубом¹⁶ – ползучий сорняк, экстракт из которого помогает в лечении тропического лишая.

Лемонграсс – от лихорадки.

Тмин очищает места укусов ядовитых скорпионов и сороконожек.

¹⁵ Прямостоячая водоросль с тонким стеблем, произрастающая на Кюрасао и Бонэйре, высоко ценится как источник «чая» для приготовления целебного напитка.

¹⁶ Дикий виноград, растущий на заборах и среди кустов. Отвар из его листьев используют как эффективное средство от тропического лишая.

Ванда¹⁷ помогает при деторождении, полезна для крови, улучшает память, придает силы.

Тава-тава¹⁸ – чай из волосистого растения, растущего в лугах, применяется для лечения от лихорадки денге, иногда называемой костоломной, останавливает внутреннее кровотечение.

– Ты можешь быть ведьмой, но помни, что в то же время ты женщина, – сказала Одри.

Поглядев на стоячую воду в кастрюле, Одри предвидела ошибки, которые была обречена сделать Мария в будущем: неправильный человек, обманутое доверие, неверный зарок, ошибочное проклятие. Насколько легче видеть будущее другого, чем понять свое собственное! Даже если смотришь на мир открытыми глазами, он не перестает удивлять.

* * *

Мария прятала под платьем пакетик лаванды, чтобы оградить себя от зла, но за все эти годы ни разу не подумала защитить себя от любви. Она знала: любовь приходит к другим женщинам, но не ожидала, что она случится с ней самой. Мария отреклась от любви и дала себе клятву, что это чувство ее минует. Мария вспоминала, сколько жизней раз-

¹⁷ Ванда – род многолетних травянистых растений семейства Орхидные.

¹⁸ Тава-тава (также известна как «гатас-гатас») – растение, считающееся самым популярным народным средством от лихорадки на Филиппинах.

рушила ради страсти Ребекка, не забывала и о том, что возлюбленный Ханны выдал ее властям. Однако судьба неподвластна даже женщине, что способна предвидеть грядущее. Мария не обратила внимания на темные фрагменты будущего, мелькавшие в каждом зеркале, мимо которого она проходила, пульсировавшие, как светлячки, черными искрами печали. С момента приезда на Кюрасао она мечтала лишь об одном: стать свободной, делать то, что считала нужным, не кланяться никаким хозяевам. Еще несколько месяцев – и это желание осуществится. Она не будет больше подметать пол в доме другой женщины, расчесывать ее волосы, приносить пиво и теплое молоко ее мужу. Тот называл ее *meisje*, что значит по-голландски «девушка», ведь ее имя для него ничего не значило, поэтому он и не утруждал себя его запоминанием.

Когда наконец пришло первое января, Мария зажгла на берегу костер, чтобы отметить окончание своего контракта. Огонь горел до самого утра.

* * *

Все могло быть иначе, не войди она в девять часов утра в гостиную, куда заходила каждый день, чтобы начистить серебро. Мария работала в толстых хлопчатобумажных перчатках, а потом вытирала красную пыль, которая проникала в комнату даже сквозь закрытые деревянные ставни. Приди

она на час позже, начини работу с приготовления обеда или со стирки, не дожидаясь дневного солнца, судьба сложилась бы иначе. День был жаркий. На ней были синие корсет и юбка, именно этот цвет преобладал в одежде служанок, поскольку краситель был очень дешев. И все же одежда не скрывала изящных очертаний тела и была достаточно коротка, чтобы были видны длинные ноги. Мария взглянула на себя в зеркало, стоявшее на буфете; странным образом в нем промелькнуло отражение матери, а не ее самой. Это было пугающее видение, заставившее ее похолодеть. Она и в самом деле напоминала Ребекку – те же холодные серые глаза и тонкие черты лица, хотя уже сейчас Мария была выше и гораздо более искусна в магии. Но даже у ведьмы есть желания и женские слабости. Мария думала, что знает свое будущее, но заблуждалась. Любая женщина может влюбиться вопреки всем урокам, совершить ошибку, особенно в юном возрасте, в приукрашенном виде увидеть недостойного мужчину сквозь туманную дымку. Длинные волосы Марии были уложены и скреплены заколками, которые никто не считал бы серебряными: они казались черными, не имеющими ни малейшей ценности. Лучше всего было вообще никак не украшать себя и спрятать подальше свои знания и умение бегло говорить на голландском, испанском и португальском. Обувь она не носила: ее красные башмаки, предназначенные для непогоды и снега, а не для жары и ясного неба, привлекли бы к ней ненужное внимание. Все служанки ходили босиком, гордясь

жесткостью своих ступней. Жители острова могли выжить на засушливой земле, как игуаны в пустыне, неделями обходящиеся без воды. Красоты острова могут создать о нем неверное представление: это не место для малодушных, на долю его обитателей выпадают тяжелые испытания. Ветры настолько сильны, что поднимают человека в воздух и бросают на землю в полумиле от места, где он изначально находился. Дожди случаются редко, и дождевую воду собирают в бочки, но даже там она сохраняет вкус и тонкую пленку соли.

В день, когда Мария повстречала человека, изменившего ее судьбу, она вошла в дом с залитого солнцем двора, и кожа ее еще оставалась теплой от яркого солнечного света, проникавшего сквозь листья. Мария всегда неохотно покидала это уютное место с раскрашенной плиткой и фонтаном, в котором жили три золотые рыбки. Если Кадин оказывалась поблизости, рыбки прятались под плавающим листом лилии. Испытывавшая легкое головокружение от жаркого солнца, Мария обнаружила в гостиной мужчину, который смотрел из окна на море с таким выражением, словно это был враг, отделявший его от привычных сосен и берез, пастбищ со стадами овец, дома с черными ставнями, закрытыми из-за зимних штормов, огня, всю ночь горящего в камине. Даже не видя его лица, Мария поняла, что это тот самый человек, которого она видела в темном зеркале. В видении он шел прочь и лица она не разглядела, но он был высок, одет в черный плащ и ходил в море, поскольку смотрел на волны, как и этот

незнакомец.

Застигнутая врасплох, она замерла и принялась читать заклинание, призванное помешать повторить горькую судьбу матери и многих женщин, приходивших к ней по ночам, когда Янсены спали. Посетительницы знали, что она бодрствует: в комнате горела свеча, козодои летали с дерева на дерево, острые зубцы на ограде, казалось, тянулись к тем, кто шел по дорожке, грозя пронзить их и нанести глубокие незаживающие раны. Женщины в Виллемстаде знали, что Мария Оуэнс помогает при утраченной любви, разбитом сердце, любви, которая никак не разгорается или, напротив, принимает характер лихорадки.

Они приходили к ней в надежде на помощь, как когда-то к Ханне; но кем была Мария и почему они шли к ней?

Кадин бешено и безостановочно стучала в окно, но Мария ее не впустила. Она знала, что скажет ей ворона:

«Сожги корень мандрагоры в медной миске. Напиши его имя на свече и брось ее подальше в море. Повтори три раза: улетай как можно быстрее».

Мария вспомнила, как мать смотрела на отца, словно ничего больше в жизни не имело значения. Женщине опасно отказываться от своей власти. Мария едва слышно произнесла первую строку заклинания, услышанного от Ханны, когда девочкой сидела у очага. Она словно видела это во сне, но

ворона рядом напоминала, кто она и кем всегда была. Мария была девушкой, которую нельзя утопить, она бежала с пепелища и из страны, где женщина не могла быть свободной. Это было древнее заклятие, найденное Ханной в книге Агриппы¹⁹ «Оккультная философия». По всей видимости, оно было частью обширной рукописи «Четвертая книга». То был один из самых могущественных заговоров, которые Мария вписала в свой гримуар.

– Ты не мой, – прошептала Мария.

Но у нее не было ни булавок, ни красной нитки, окрашенной корнем марены, ни розмарина, ни зелья святого Иоанна, ни вырванного из земли корня мандрагоры, ни миррового масла, ни собственной воли, и она прервала заклинание, едва начав, на полуслове, оставив себя без защиты. И тогда мужчина обернулся к ней.

«Я никогда не полюблю тебя», – следовало произнести последнюю строчку заклинания, но Мария просто стояла, как дура, похожая в ту минуту на женщин, приходивших к ней ночами с мокрыми от слез лицами. Они убедили себя, что нужно войти в дверь, которую, как они прекрасно понимали, следует держать крепко закрытой на засов.

Мария сказала миссис Янсен, что выращивает в саду ду-

¹⁹ «Ты не мой, я не твоя, у тебя нет власти: я иду, куда хочу, мое сердце защищено». Агриппа – Агриппа Неттесгеймский; настоящее имя Генрих Корнелиус Неттесгеймский (1486–1535) – немецкий гуманист, врач, алхимик, натурфилософ, оккультист, астролог и адвокат. Имя Агриппа взял в честь основателя своего родного города Кёльна.

шистую руту, чтобы отвадить мух, не сообщив ей, что это растение также обуздывает похоть. Ее клиентки часто просили это снадобье и настойку дикого латука, чтобы ослабить неумное вожделение своих мужей. Возможно, Марии самой следовало выпить этой микстуры или принять латуковую ванну, как она советовала клиенткам в схожих ситуациях. Бледно-розовая вода очень эффективно ослабляла желание. Однако Мария даже не сдвинулась с места, связав свою жизнь с Джоном Хаторном вопреки зарoku никогда не принадлежать ни одному мужчине. Любовь приходит странным образом, при свете дня и в темноте, когда ты ищешь ее и когда меньше всего ожидаешь обрести. Тебе почудилось, что пришла любовь, а это совсем другое – безрассудная страсть, соблазн, одиночество.

Джон Хаторн был настолько погружен в свои мысли, что даже не заметил присутствия Марии, пока не повернулся к ней лицом. Вначале он принял ее за игру воображения: ведь говорят, будто в момент пробуждения сон может перейти в явь. Джон верил в милость Провидения, но был убежден, что жизнь – это тайна и христианин обязан бороться с силами зла. К тому же он был человеком тридцати семи лет со всеми присущими мужчине этого возраста слабостями и недостатками. Ему никогда не встречалась такая молодая обворожительная женщина, как Мария. Она даже не догадывалась о силе своих женских чар, что делало ее еще более прелестной.

– Я вел себя дурно, – пробормотал Хаторн. Эту фразу ему

будет суждено повторять постоянно – дома в своей постели, во сне и даже в последний день жизни.

Он был на двадцать лет старше Марии, но это не имело особого значения. Хаторн был высок, красив, имел правильные черты лица и пристальный взгляд. Таким Мария и увидела его впервые, сразу после того, как он прибыл в порт Кюрасао. Хаторн оставил дома мрачное настроение, в которое постоянно был погружен в своей массачусетской жизни, и тяжкое бремя быть сыном своего отца. Хаторн-старший обосновался в Новом Свете в 1630 году и считался одним из отцов-основателей Колонии Массачусетского залива. Он был известным, уважаемым судьей и негоциантом, помощником губернатора и долгие годы – депутатом от городка Салем, владевшим большей частью этого поселения, свирепым гонителем квакеров, считавшихся вольнодумцами. Хаторн всячески старался заслужить одобрение отца, но благонамеренный господин, каким заставлял себя быть Джон, улетучился, как ночная птичка, едва он прибыл на остров. Джон будто вновь стал мальчиком, каким был в детстве, еще до того, как пошел по отцовским стопам и принял на себя управление семейным судоходным бизнесом, где каждый цент подлежит строгому учету, а из любой сделки необходимо извлекать выгоду.

Хаторн пришел в этот дом выпить кофе с мистером Янсенном, после чего они собирались отправиться на склад компании и обсудить там совместные дела. Во внутреннем дворе

Джон почувствовал себя неуютно и, миновав кабинет, прошел в гостиную, но они разминулись с Янсенем, который, не дождавшись визитера, отбыл в порт. Хаторн не меньше своего партнера злился, что зря потерял время, но тут он увидел Марию Оуэнс, которая вплела в волосы синюю ленту для защиты и удачи.

Хаторн жил севернее Бостона и часто ездил в Белые горы²⁰. Считалось, что снег там лежит круглый год. Он владел домом в Ньюберипорте и еще одним в Салеме. Корабли Хаторна доставляли на Кюрасао и Ямайку железную руду и лес в обмен на табак, сахар и кофе. Поездку на остров он предпринял, чтобы понять перспективы бизнеса и наметить пути его дальнейшего развития. Острова Карибского моря представлялись ему местом почти невыносимым, населенным необразованными, полными предрассудков людьми, – но стоило ему сойти с корабля, и он был очарован. Его окутала палящая жара, яркий свет бил в глаза палитрой бесконечных оттенков голубизны. Очарование и тепло острова вызвали в нем смятение. Хаторн не привык к столь сильным чувствам. Новая Англия была местом темноты и страха. В поросших мхом лесах бродили дикие звери, туземцы лютовали из-за того, что у них отняли и заселили большую часть территории. Там, откуда он приехал, в каждый миг жизни человек находился под строгим приглядом, в молитвенном

²⁰ Белые горы – горный хребет в США. Входит в горную систему Аппалачи. Считается наиболее труднодоступным местом в Новой Англии.

доме или в кругу семьи. Наказания суровы: на обвиняемых в преступлениях против веры или правонарушителей надевали колодки. Существовали правила, которые нельзя было нарушать. Но здесь, на Кюрасао, Хаторн ощущал себя другим человеком. На него и наткнулась, войдя в гостиную, Мария.

Она увидела его не таким, каким он был раньше или станет впоследствии, а тем, кем он был в ту минуту. Хаторн слушал пение птиц за окном, стоя в потоке желтого солнечного света. Джон провел рукой по своим темным волосам, смущенный обуревавшими его странными чувствами. Хаторн выглядел младше своих лет, казалось, ему немногим больше двадцати. Он редко давал волю своим желаниям и радовался, воспринимая столь сильные, необычные для него чувства как подарок судьбы. Хаторн прибыл из входившего в штат Массачусетс округа Эссекс, названного так в честь того самого графства в Англии, откуда бежала Мария. Она осознала это неприятное совпадение гораздо позже, на зеленой лужайке рядом с холодным океаном, оказавшись в краю, где папоротники зимой чернели, а люди, жившие в страхе и нетерпимости, повсюду видели зло.

— Я, признаться, ошибся. Разминулся с вашим отцом, не поехал сразу на склад. Не подскажите ли, мисс, как туда добраться?

Он совершил еще одну ошибку, приняв ее за члена семьи Янсенов.

– Буду рада показать вам дорогу.

Во дворе в больших котлах кипятилось белье, на кухне ждала Юни, чтобы начать готовить обед. Но Мария пошла через сад с человеком из Массачусетса. Джона влекло побуждение, которое он впоследствии счел чистым колдовством. Его предупреждали, что в прибрежных пещерах этого острова практикуют черную магию, а в Виллемстаде приветствуют пиратов, грабящих испанские корабли. Но когда они с Марией шли в гавань под сенью деревьев фитолакки, Джон начисто забыл дом, с привезенной из Англии прекрасной керамикой, людей, живших в комнатах этого дома, сумрачных в любое время года, и вообще всю свою прежнюю жизнь. Летом в воздухе роились мухи и комары, зимой темнело уже в четыре часа дня – но все это было где-то бесконечно далеко.

Хаторн щурился в лучах солнечного света, стоя рядом с девушкой, пахнувшей лавандой и солью. Пару раз она махала рукой, отгоняя черную ворону, которая, казалось, их преследовала. Птица описывала круги в небе, то и дело устремляясь вниз, к Хаторну, словно видя в нем врага. Это, несомненно, пришло бы ему в голову, умей вороны чувствовать, думать и планировать подобные действия. Хаторн, еще даже не зная имени девушки, не сводил с нее глаз, ощущая полную свободу от всего, чему его учили. *Будь осторожен и уверен в себе, бойся посторонних и женищин, имеющих смелость глядеть мужчине прямо в глаза и думающих, что они тебе ровня, поступающих как им заблагорассудится, кото-*

рые, хоть и любезны с тобой, никогда не делают то, что им велят.

Когда они дошли до моря, Мария оглянулась. Вода была сине-зеленой и чистой, тени больших, неуклюже двигавшихся под водой созданий отчетливо виднелись на белом песке. Джон опустился на колени, чтобы лучше их рассмотреть. Он носил кожаные башмаки, изготовленные в Лондоне и стоявшие больше, чем многие люди на острове зарабатывали за год.

– Чудовище, – сказал он об огромном морском звере, подплывшем близко к берегу.

Мария присела на корточки рядом с ним. Он увидел, что она не обута, а подол ее платья прошит синей ниткой.

– Боюсь, вы ошибаетесь, сэр. Это не чудовище, а черепаха. Усмехнувшись, Хаторн стянул башмаки.

– Сейчас посмотрим.

Он все-таки был околдован, потому что прыгнул в море, не раздеваясь, в штанах, свободной хлопчатобумажной рубахе и даже не сняв сюртука. Только одержимый был способен сотворить такое. Джон пребывал неизмеримо далеко от тьмы Массачусетса, для него не было ничего невозможного. Ему помогали теплая вода и течение. Похожие ощущения он испытал в детстве, когда как-то в августе плавал в море. Джон приблизился к черепахе (это действительно была она) и пощупал руками ее бугристый панцирь, потом поплыл рядом с ней, плавно двигаясь в спокойной воде, затем перевер-

нулся на спину, полузакрыв глаза, и довольно усмехнулся. У Хаторна были крупные правильные черты, а улыбка так изменяла выражение его лица, что казалось, будто это совсем другой человек. И он погрузился в сладкий сон, нимало не заботясь, как объяснит затем мистеру Янсену, почему его одежда насквозь промокла, не думая вообще ни о чем, кроме этого острова, этой женщины и переживаемого мгновения.

– Теперь я вижу, что это такое – настоящее чудо, – весело сказал он.

Мария понимала, что происходит. Она пыталась прочесть заклинание в обратную сторону, но слова растворялись у нее во рту. Ханна рассказывала, как трудно наложить заклятие на саму себя. А теперь уже слишком поздно что-то менять.

После купания Хаторн в мокрой насквозь одежде залез по лестнице на пристань и пошутил:

– Кажется, теперь я похож на чудовище.

Наверное, он им и был: человек иногда под настроение высказывается откровенно, надо только внимательно его выслушать. Когда Джон наклонился, чтобы поцеловать ее, в голове Марии не осталось ни одной мысли. Когда мужчина целует ведьму, все монетки в его кармане чернеют. Хаторн заметил это намного позже, решив, что виной всему соленый воздух. Когда их рты слились воедино, он забыл обо всем, Марию же удивило, что поцелуй обжег ей рот. Будь жива Ханна, она бы предупредила ее, что надо вести себя осторожнее.

То, что обжигает, лучше всего не трогать, пока оно не обратится в золу. Будь мудра и держись подальше.

* * *

В тот вечер на обеде присутствовало восемь гостей. Их было слишком много, чтобы Мария и Юни справились вдвоем, поэтому пригласили еще двух кухарок – Сибил, жившую неподалеку, и Одри, которую Янсены считали лучшей поварихой на острове. И действительно, ее превозносили за такие блюда, как *арепа* – тесто, приготовленное из молотого маиса, с рыбой красный луциан, – и за восхитительно вкусное *кеши йена* из сырной кожуры и других обрезков, которое некогда считалось пищей рабов и беднейших жителей острова, а теперь готовилось из лучших сортов сыра и сдобренного специями мяса и подавалось к обеду в домах богатейших коммерсантов.

– Сейчас самое время их отравить, – пошутила Одри, замешивая тесто и готовясь добавить к нему рыбу.

Ее пальцы летали – так быстро она работала. Только не сегодня вечером: Мария помнила, что принесенное тобой в этот мир возвращается в тройном размере.

– Один из тех, кто сидит за столом, не заслуживает яда.

– Но один из них его точно заслуживает. Знаешь, почему мистер Янсен не отпускает на волю Юни? Вглядишься в ее лицо, и ты поймешь. – И действительно: Юни походила на

хозяина куда больше, чем любая из трех его дочек. — Открой глаза, девочка. Присмотрись сегодня вечером к гостям, и ты поймешь, что кроме владельца дома здесь есть и другие дурные люди. — Одри солила рыбу, не поднимая на Марию глаз. — Я увидела это в тот миг, как он вошел. Раз тебе дан дар предвидения, надо его использовать.

* * *

Мария подавала на стол сине-белые соусники из Амстердама, наряженная в свое лучшее шелковое платье, когда-то принадлежавшее младшей дочери Янсенов. Оно было небесно-голубое, такого же оттенка, что и стены, поэтому Мария казалась скорее тенью, чем женщиной. Служанка не должна бросаться в глаза. И никто из гостей не обращал на нее ни малейшего внимания, а когда гостившие в доме дочери и их мужья хотели выпить или наполнить тарелку, они подзывали ее жестом, как собачонку. Марию смущало, что мистер Хаторн, не знавший, что она вовсе не член семьи, теперь поймет, какое положение она занимает в этом доме. Тем вечером она не захотела предстать перед гостями босиком и надела свои красные башмаки. Пусть увидит, кто она на самом деле, и отступится от нее.

Кадин стучала в окно, но Мария не обращала на нее внимания. Девушка была занята, обслуживая гостей, и если бы хозяева узнали, что она держит под крышей дома эту чер-

ную птицу, то пришли бы в бешенство. На острове не водились вороны, к тому же считалось, что любые черные животные приносят несчастье. Мало того: Кадин с первого взгляда возненавидела Джона. Возможно, ревновала, как это часто случается у фамилиаров, — ведь они хотят быть к своим людям-компаньонам ближе всех. Мария погрозила в окно пальцем, зная, что птица не улетит дальше ветки ближайшего дерева.

Когда Мария принесла Джону тарелку с рыбой, он определенно ее заметил и должен был понять, что она не дочь хозяев, а служанка. Но похоже, его это не слишком взволновало. Джон тихо спросил: «Это черепаха?» — намек, тайно обращенный только к ней. Он взглянул на Марию, и в этот миг между ними возникла невидимая связь, ниточка, соединившая их.

— Нет, сэр, но если вы предпочитаете черепаху, я посмотрю, что можно для вас сделать.

Хаторн рассмеялся и покачал головой.

— Прекрасно, но я забыл вас поблагодарить за то, что проводили меня в порт.

— Тогда вы обращались ко мне «мисс».

— Вы и сейчас мисс. — Никто не прислушивался к их разговору. — И всегда ею для меня останетесь. — Он мягко и очень серьезно попросил Марию дождаться его во внутреннем дворике. Буквально умолял, повторяя: «Вы должны, вы должны», что вовсе не было на него похоже. Казалось, Ха-

торн был сам удивлен собственным пылом: в тот вечер он вел себя очень порывисто, поэтому, оглядевшись вокруг, с облегчением убедился, что никто не заметил его странного поведения. – Пожалуйста, мисс, ждите меня там.

И Мария, как только освободилась, вняла его просьбе. Она даже покраснела, понимая, что в нее впервые в жизни влюбился мужчина. Ей было пятнадцать, именно в этом возрасте Ребекка стала заглядываться на Томаса Локлэнда. Мария оставила свой передник на кухонном столе, рядом с горой немытой посуды, не обратив внимания на неодобрительный взгляд Одри. Мужчины уходят на войну, а женщины безоглядно влюбляются по причинам, не понятным им самим. В ее власти было все остановить и покончить с наваждением прямо сейчас: сделать амулет для защиты и произнести слова, которые держали бы его на расстоянии, она могла бы вылепить его изображение и зарыть в землю рядом с окном, где роились сороконожки, – и он никогда бы не вернулся. Но девушка провела расческой по волосам и отправилась во внутренний дворик. *«Поверни назад»*, – говорил голос у нее в голове, но, после того как сгорел дом ее детства, в характере Марии появился дух противоречия. Ребекка говорила ей, что жизнь коротка и надо потакать своим желаниям.

Они встретились под ямайскими яблонями с плодами в форме груши, красной кожурой и белой мякотью. Кадин уселась на ветке и подняла такой шум, что Мария махнула ей рукой, чтобы та улетела. Но прежде чем подчиниться прика-

зу, ворона бросилась вниз на незнакомца и сбила с его головы шляпу.

– Какое мерзкое создание! – воскликнул Джон.

– Ничуть не хуже меня, – заступилась за птицу Мария.

– Если вы так считаете, значит, я ошибаюсь. – Тем временем птица улетела из сада и больше не представляла для Хаторна угрозы. – Должно быть, это еще одно чудо.

– На самом деле так оно и есть.

– Если у вас такое мнение, я с ним согласен.

– Неужели? – Мария была приятно удивлена.

Он тут же получил от нее поцелуй за свою сговорчивость и был готов согласиться с чем угодно. Она поцеловала его еще несколько раз. Когда Мария наконец собралась ко сну, Юни уже спала, как всегда повернувшись лицом к стене. Янсены в своей спальне раскинулись на только что выглаженных простынях, сшитых в Амстердаме. Мария, войдя в комнату, села у окна и распустила волосы; в голове ее была полная путаница. Она отдалась этому человеку, ничего о нем не зная. С ней случилось своего рода помешательство, без всякого зелья или заклинания. Мария не желала вникать в мотивы поступков матери, всегда казавшиеся ей сумасбродными и безответственными, но с ней произошло то же самое.

Вот как это происходит. Тыходишь в комнату с синими стенами. Целуешь мужчину в саду. Чувствуешь свое сердце, кости и кровь. Ждешь его, как птичка в клетке.

Во вторую ночь, которую они были вместе, Джон клялся, что любит ее, в третью она вновь поддалась его уговорам, на четвертую он вручил ей сапфир на серебряной цепочке, который она обещала никогда не снимать, на пятую ночь принес ей в подарок пакетик бриллиантов. Именно их она давно уже видела в черном зеркале. Он подарил ей то, что казалось невысказанным для девушки ее положения, — семь маленьких бриллиантов, блестящих на ладони. Это было ее будущее — мужчина, обещавший нежно ее любить, и в темном уголке внутреннего двора Мария позволила ему забраться ей под платье: пусть делает что хочет, ведь он сказал, что она — предмет его заветного желания и он всегда будет ее обожать. Мария сказала, что, когда они будут жить вместе, она высадит перед домом сирень, устроит в нем особую дверь, чтобы Кадин могла влетать и вылетать, когда захочет, и всегда будет носить синее, раз оно нравится Хаторну. За пять дней мечтаний Марии стало казаться, что она хорошо знает Джона. Она не обращалась к своему дару предвидения, больше полагаясь на зов сердца. Но на шестую ночь Джон не появился. Мария просидела во внутреннем дворе до рассвета седьмого дня (это число может означать как все добро, так и все зло мира). Существуют семь небес и семь смертных грехов, семь — это магическое число, ведущее к мудрости, даже для

тех, кто, скорее всего, останется слеп к истине.

Все эти ночи Кадин по наущению Джона не подпускали близко к дому – ворона превратилась в его злейшего врага. Она старалась изо всех сил прогнать его, бросая камни с неба, падая вниз, чтобы выдрать волосы из его шевелюры. «Бойся его», – кричала Кадин, но вороны – создания, во многом зависящие от хозяев, а Мария не обращала на нее никакого внимания. Девушка пошла в свою комнату и опустилась на четвереньки перед кроватью, чтобы достать свое черное зеркало. Мария испытывала тревожное предчувствие еще до того, как она взглядела в него. Она увидела корабль в холодном сером море и черное сердце в саду среди зарослей сорняков. С одного взгляда она все поняла. Джон уехал.

Мария отправилась в гостиницу, где останавливался Джон. Слишком поздно: теперь, когда к ней снова вернулся ясный ум и способность предвидения, она заранее знала, что его комната пуста. Девушка зашла на склад к Янсену, поднялась в его контору. Никто не пытался ее остановить, но все заметили мрачное выражение ее лица.

– *Wat is er mis?* – спросил Янсен, увидев Марию на пороге. – Что-то случилось?

Девушка явно находилась в смятении: ее ноги были босы, волосы не прибраны. В таком состоянии людьми владеют не подвластные разуму, неуправляемые эмоции.

– *Waar is je gast naar toe?* – потребовала она ответа. – Куда уехал ваш гость?

Она вела себя не как служанка, а как обманутая женщина, а их не волнует, что голос срывается на крик или что они смотрят прямо в глаза мужчине, не отводя взгляда. Янсен закрыл дверь и поднялся навстречу. Он был человеком крупного телосложения и не проявлял никакого беспокойства.

– *Wat is jour zaak daar?* – Когда Мария больше не будет на него работать, он наймет другую девушку, более сдержанную. – Тебе-то что за дело, куда уехал мистер Хаторн?

Хотя Мария по контракту принадлежала Янсену до января, ее уже не волновало, что он о ней подумает, она его не боялась. Мария знала о нем больше, чем ему хотелось, и под ее пылким взором он всегда чувствовал себя неуютно. Янсен знал, что не вызывает у нее восхищения, и это его раздражало. Мария ему тоже никогда не нравилась: Янсен полагал, что она, как всякая служанка, должна опускать глаза перед хозяином и делать то, что ей прикажут. О Марии шла молва, что она разговаривает с черной птицей, которая сопровождает ее на рынок, причем беседа идет то на человеческом, то на птичьем языке. Сейчас Янсен сидел в своей конторе, а ей надлежало работать на кухне.

Начался сильный дождь, зеленоватая вода грозила вызвать грязевой оползень с северных холмов. Мария дрожала от внезапно ворвавшегося в окно холодного ветра. Этот дождь вызвала она сама; по всему острову станут происходить мелкие неприятности, без всякой видимой причины раскапризничают дети, так что даже ласковые материн-

ские голоса не смогут их успокоить. Никто раньше не видел дождя такого цвета, и некоторые юные женщины станут собирать воду в горшки для мытья: ведь зеленый – цвет любви и удачи, а также ревности и зависти.

– *Hij is teruggegaan waar his thuishoort*, – сказал ей мистер Янсен вложив в этот ответ поровну удовольствия и злобы. – Он уплыл туда, где живет.

Массачусетс. Холодное серое море. Дом с черными ставнями.

* * *

Не проронив больше ни слова, Мария вышла из конторы Янсена; она бежала вдоль пирса, пока не добралась до скромного жилища, которое делила с Юни. Мария не знала, как найти Хаторна. Она знала лишь, что он живет в округе Эссекс, названном в честь давно покинутого ею графства в Англии. Чтобы перестать желать возлюбленного, Мария написала его имя на белой свече и швырнула ту в море. Но любовь ведьмы не так легко стереть из памяти. Она пила настой латука, наливала виски в железный котелок, омытый раствором соли в уксусе, добавляя в него анисовое семя с лавровым листом, но все же не могла избавиться от чувств. Ханна предупреждала: заклинание, чтобы забыть любимого человека, не действует.

Не пропал ли он в море, как многие до него, не попал ли в

ПЛЕН, не подхватил ли болезнь, так что не может теперь покинуть свою постель в Массачусетсе и даже написать письмо? Но вскоре Мария захворала сама: болел желудок, ее рвало, организм не принимал пищу. Мария отправилась на пляж и, кипя гневом, бросилась в волны, но ее тут же вынесло обратно на берег, волосы массой завитков плыли позади нее. В этой относительно спокойной воде Мария поняла, почему смогла пересечь русло Темзы, а потом и широкое холодное море. Ей было суждено спастись, с помощью магии или без нее, и встретить свое будущее. Мария уже видела в черном зеркале дочь, которая у нее родится.

Настал январь, исполнилось пять лет ее неволи. Она пришла в контору мистера Янсена, чтобы забрать документы, в которых она объявлялась свободной женщиной. Янсен холодно посмотрел на Марию, радуясь, что наконец от нее избавился. Под влиянием Марии Юни стала задумчивой и не сразу откликалась на зов. Соседские служанки клялись, что Мария насылает заклятия и умеет произносить слова в обратном порядке, что ночами она бродит в пещерах, где водятся призраки. Что бы они ни говорили, Янсен точно знал, кем была Мария, и это его несколько не волновало. Ей было шестнадцать, и она забеременела. Мария уже чувствовала, что плод начал двигаться внутри ее.

– Я хочу получить такие же бумаги для Юни, – объявила Мария, когда хозяева еепустили. Она пригрозила, что в случае отказа пойдет к жене Янсена и расскажет все, что

узнала от Одри. Мужчине надлежит заботиться о своей дочери: Юни должна получить маленький домик за пределами Виллемстада, один из многих, которые он приобрел. – Найдите себе другую служанку, – сказала она Янсену. – Пришло время для Юни начать собственную жизнь.

Янсен в сердцах обругал Марию Оуэнс, но он боялся, что девушка станет о нем болтать. Чтобы защититься от его гнева, она держала лаванду под платьем и прошила край своей нижней юбки синей ниткой. Она окончательно ушла от Янсена, переехав к Юни и Одри, которые обрадовались, что она разделит с ними кров. Хотя домик, выделенный мистером Янсеном для Юни, оказался крохотным, им его вполне хватало.

Мария варила черное мыло по рецепту Ханны при убывающей луне, добавив местные ингредиенты – алоэ вера и гибискус. Жаркой ночью Мария разожгла огонь, используя для варки самые большие железные котлы в доме. Мыло было таким пахучим, что пчелы проснулись в час, когда им следовало молчать, запели птицы, а беспокойные дети неожиданно проспали всю ночь. Закончив варить мыло, она свалилась в постель и беспробудно проспала целых восемнадцать часов. Приготовление мыла отняло огромное количество энергии, потребовало сосредоточенности – вот почему те, кто им пользовался, извлекли из этого выгоду и выглядели моложе по меньшей мере на десять лет. Утром женщины из Виллемстада и окрестностей приехали купить по несколько брусков

мыла, завернутых в коричневую бумагу и перевязанных бечевкой. Прибыль, полученная Марией, впечатлила даже Одри. Старуха попробовала мыло на себе и, взглянув в зеркало, с удивлением увидела, что она красива, как в молодости.

* * *

Целых три месяца женщины жили вместе и уже давно не были так счастливы. Когда накапливалась работа по дому, они решали, как с ней справиться. Просыпались, когда им хотелось, стирали простыни и одежду для себя, а не для Ян-сенов. Каждый день приносил им удовольствие, время текло медленно. В ночь, когда луна скрылась за облаками, у Марии родился ребенок.

Это случилось в сезон ветров, но весна была непредсказуемой, и вскоре ветер стих, что предвещало период удачи. Ведь рождение дочери – это счастье, какие бы трудности ее ни ожидали. Мария вытащила наружу соломенный тюфяк и нарисовала на пыльной земле, в том месте, где собралась рожать, круг для защиты от злых сил. Кадин уселась на низкую ветку, зорко следя за каждым ее движением. Много времени минуло с тех пор, как птица нашла в снегу ребенка, завернутого в синее одеяльце, с волосами черными как воронново крыло. Теперь ночь была жаркой, а земля песчаной, но одеяло, приготовленное для новорожденной, было тем же – его сшила Ребекка поздним вечером в доме Локлэндов. Хан-

на осыпала одеяло лавандой, чтобы отогнать мотыльков, и, аккуратно сложив, поместила на самое дно котомки Марии. Когда начались схватки, Мария взяла ножницы и, собрав в косу свои длинные черные волосы, доходившие до пояса, обрезала их так, что они едва касались плеч. Это было необычно для женщин того времени. Чтобы иметь ребенка, следует идти на жертвы, и эта была лишь первой из них.

В ту ночь она простила свою мать, которая рожала ее на снегу и бросила на произвол судьбы. Сердце Ребекки после этого ожесточилось, и все же именно к ней взывала Мария, когда стало трудно терпеть боль. Одри говорила ей, как надо дышать, и Мария все в точности выполняла. За свою долгую жизнь старая женщина присутствовала при рождении не менее сотни детей, да и сама Мария видела не один десяток младенцев, только что явившихся на свет на деревянном столе Ханны, и часто помогала ей. Ханна завязывала узлы на веревке, затем разрезала ее между узлами на куски – заговор для легких родов. Здесь такого обычая не знали, и схватки прошли тяжело. Мария попросила Юни принести таз с водой и, когда заглянула в него, вода показалась ей черной и глубокой. В этот момент открывались миры между жизнью и смертью, прошлым и будущим. Она увидела мужчину, тосковавшего по ней, дом, окруженный садом, где росли белладонна и мандрагора, где сирень так благоухала, что пчелы прилетали со всего округа, чтобы пить нектар. Мария бросила в огонь отрезанную косу, что знаменовало конец ее ста-

рой жизни и начало новой. Дым был красным – особенности рода всегда передавались от матери к дочери.

Это было 20 марта, и Мария хотела, чтобы ребенок родился до полуночи. День 21 марта был известен как самый несчастливый день года. Юни и Одри рассыпали на земле ровный слой соли, чтобы отогнать духов, способных пожелать зла младенцу. Мария к тому времени успела проклясть мир, который создал ее женщиной. Но без восьми минут двенадцать ребенок наконец появился на свет – и все изменилось. Мария видела лицо своей дочери в черном зеркале, когда еще сама была ребенком, но не ожидала, что будет испытывать такие сильные эмоции: все остальное просто потеряло всякое значение.

– Красивая девочка, – одобительно сказала Одри.

Все ее знакомые старухи, которые тоже когда-то были красивыми, пришли взглянуть на новорожденную. Но помимо красоты в ребенке было что-то еще. Это видели даже те, кто вообще ни во что не верил, самые практичные, логически мыслящие, приземленные женщины оценили эту новую жизнь по достоинству. Малышка явно обладала даром видения, в этом не было ни малейшего сомнения. Глаза девочки были серебристого оттенка, волосы рыжие, как у Ребекки. На тыльной стороне левой руки виднелась черная отметка в форме полумесяца – несомненный знак ведьмы.

Вскоре ребенок, завернутый в одеяльце, прошитое синей ниткой, уже лежал в надежных руках матери. Перед ней в эту

ночь открылось будущее, и сердце Марии в ответ распахнулось ему навстречу. Она назвала свою дочь Фэйт²¹. Будь с ними в этот день Ханна, она бы сказала Марии правду, единственную в своем роде.

Это твое сердце ты держишь в руках – будь с ним осторожна, не теряй его и не забывай, что я любила тебя так же, хоть ты и не была моей родной дочерью.

* * *

Когда Фэйт исполнилось пять месяцев, Мария поцеловала Юни и Одри на прощание. Она со слезами покидала их, потому что ничего, кроме добра, от них не видела, но Марию ждала ее судьба. Она уложила свою котомку, зашила бриллианты в подол платья, куда вора́м было не добрат́ся, и пошла в порт искать корабль, который доставил бы ее в Массачусетс. Перед этим она выпила чашку Бодрящего чая: чтобы найти свой путь через моря, требуется немалое мужество. Одри смастерила из тростника маленькую дорожную корзинку для Кадин, куда та и запрыгнула, когда Мария ей свистнула.

Ни на одно американское судно ее брать не хотели: маленький ребенок на корабле не приветствовался: считалось, что его хвори и плач не принесут удачи в плавании. Но, к

²¹ Faith – вера (англ.).

счастью, подвернулась другая возможность.

Евреи построили на Кюрасао первую синагогу в этой части света, а в 1659 году открыли первое кладбище – *Бет Ха-им*, Дом жизни, где надгробия делались из коралла. Процветало и их поселение – Плантация надежды. Многие из них уходили в плавание, доставляя через океан свитки Торы из синагог, сожженных дотла в Испании и Португалии.

Среди евреев преобладали купцы, переводчики и коммерсанты, но некоторые становились моряками, по существу пиратами, грабившими испанские корабли и считавшими своей обязанностью отомстить стране, где мучили и убивали их единоверцев. Португальские евреи в основном интересовались золотом и товарами, но тоже перевозили книги, включая запрещенную литературу, которая, как считалось, подстрекает рабов к мятежу. Иногда на такие корабли проникали воры, чтобы поживиться перевозимым добром, но находили лишь деревянные ящики с книгами, для одних бесполезными, для других – настоящим сокровищем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.